

Никогда не лги леди

Автор:

Лиз Карлайл

Никогда не лги леди

Лиз Карлайл

Очарование (АСТ)Семья Невилл #1

Лорд Нэш – опасный человек, которому нельзя доверять. Он с каким-то дьявольским наслаждением доводит до банкротства молодых повес и соблазняет блестящих светских львиц. Он никому не верит и искренне считает себя неуязвимым для нежных чувств.

Однако судьба посылает Нэшу короткую и счастливую встречу с прекрасной Ксантией Невилл – девушкой, поневоле связанной с жестоким миром преступников и контрабандистов. Отныне цинизм и жестокость Нэша бесследно исчезают, а в сердце рождается пылкая страсть к таинственной красавице...

Лиз Карлайл

Никогда не лги леди

Liz Carlyle

Never Lie to a Lady

© Susan Woodhouse, 2007

© Перевод. В. А. Суханова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Пролог. Встреча в Кресент-Мьюз

Зима 1828 года

Тяжелые бархатные портьеры в библиотеке были плотно задернуты и не пропускали свет уличных газовых фонарей. Устилавший пол пушистый турецкий ковер заглушал шаги. Глубокие ниши комнаты поглощали все звуки. Помещение освещал лишь горевший в камине огонь.

Лорд Нэш был осторожным человеком. Он хорошо подготовился к этой встрече. Стоя спиной к огню, он неотрывно смотрел на едва различимую в густой тени дверь.

И вот наконец она бесшумно открылась, и на пороге появилась графиня де Монтиньяк. Она направилась к лорду Нэшу и, приблизившись, протянула к нему свои изящные руки – словно он был ее самым близким другом. На графине был красный шелковый пеньюар, больше подходивший для будуара. Ее густые золотистые волосы были распущены.

– Добрый вечер, милорд, – промурлыкала она. – Как долго я ждала этого момента.

Нэш не стал брать ее за руки, и графиня вынуждена была опустить их.

– Я попросил вас о встрече не для пустых разговоров, – заявил он. – Покажите мне то, за чем я пришел сюда.

Лукавая улыбка графини стала шире.

– Обожаю мужчин, которые сразу переходят к делу, – снова замурлыкала она и ловким движением рук сбросила с себя шелковый пеньюар – он с тихим шелестом упал к ее ногам.

Почувствовав возбуждение, Нэш усилием воли взял себя в руки. Графиня была прекрасно сложена. Прозрачная сорочка, в которой она теперь стояла перед ним, не скрывала соблазнительных изгибов ее нежного тела. Сквозь тонкую ткань была хорошо видна грудь молочной белизны и розовые отвердевшие соски. Графиня прикоснулась к одному из них, не сводя глаз с Нэша.

– Многие мужчины готовы хорошо заплатить за это, – проговорила она хрипловатым голосом. – Но для вас, Нэш... О боже!.. Любая женщина мечтает оказаться в ваших объятиях!

Нэш положил руку на левую грудь графини и довольно сильно сжал ее. На лице графини отразились смешанные чувства – страх и сладострастие.

– Принесите бумаги, – процедил он сквозь зубы. – Перестаньте играть со мной.

Не говоря больше ни слова, графиня прошла в глубину комнаты и на несколько мгновений скрылась в густой тени. Нэш слышал, как она выдвинула ящик стола, а потом резко задвинула его. Вскоре раздались ее шаги, и графиня снова появилась перед Нэшем. В руках у нее была толстая пачка бумаг. Нэш тут же взял их и начал быстро листать.

– Сколько? – коротко спросил он.

– Десять тысяч.

Нэш колебался.

Графиня подошла так близко, что он чувствовал исходящий от ее волос запах жасмина.

– Эта сделка нелегко далась мне, милорд, – сказала она. – Мне понадобилась вся моя женская хитрость и обаяние, чтобы заполучить то, что вам было нужно.

– Вас от этого не убудет, – заявил маркиз.

Его слова ничуть не смутили графиню.

– Надеюсь, милорд, мне не надо напоминать вам о политической важности этих документов, – сказала она, поглаживая его по руке. – Заплатите десять тысяч, а кроме них, вы получите возможность насладиться моим телом. По рукам?

Нэш заставил себя отвести глаза от пышной груди графини.

– Вряд ли вашему мужу, мадам, понравится то, что ему наставляют рога в собственном доме.

Графиня с обольстительной улыбкой прильнула к нему.

– Пирр разумный человек, он хорошо понимает мои потребности. А их у меня много. Я докажу вам это, если вы сейчас подниметесь со мной в мою спальню.

– Я не могу пойти с вами.

Графиня опустила руку и провела ладонью по его паху. К своему неудовольствию, Нэш почувствовал, что возбуждается.

– Вы уверены в этом, мой дорогой? – прошептала коварная соблазнительница. – Ваши убеждения так... тверды... Я хорошо чувствую эту твердость. Судя по всему, слухи, которые ходят о вас, правдивы.

Нэш отбросил бумаги в сторону.

– Вы ведете опасную игру, мадам.

– Такая у меня жизнь, милорд.

Снова улыбнувшись, она убрала руку и отступила на шаг.

Какое-то время Нэш молча наблюдал за ней. Он смотрел на графиню так настороженно, как смотрят на змею, скользящую в траве.

– Бог мой, не будьте таким ханжой, Нэш! – воскликнула она. – Мы с вами – одного поля ягоды. Нам обоим претит английский образ жизни со множеством ограничений и условностей. Мы никогда не будем подчиняться правилам приличий, принятым в обществе. Так почему бы нам сейчас не преподать друг другу несколько уроков нежной страсти?

Нэш наклонился и поднял с пола красный шелковый пеньюар:

– Наденьте его, графиня. Боюсь, что такую опытную женщину, как вы, мне нечему учить.

Графиня пожала плечами:

– Возможно, милорд.

Она надела пеньюар и после этого уже не пыталась соблазнить Нэша, хотя время от времени бросала на него выразительные взгляды. Нэш с чувством огромного облегчения покинул дом, расположенный в Белгрейвии – фешенебельном районе Лондона. На улице стоял промозглый январский холод. С Темзы поднимался туман. Подняв воротник, Нэш зашагал по безлюдной в этот поздний час Аппер-Белгрейв-стрит. Колокол стоявшей неподалеку недавно построенной церкви Святого Петра ударил два раза. Его звон странно звучал во мгле, под морозящим дождем.

Никто не видел, как Нэш свернул в переулок и оказался в Кресент-Мьюз, старом квартале, затерявшемся среди роскошных домов Белгрейвии. Здесь когда-то располагался конный двор, а теперь перестроенные конюшни заняли люди. Этот квартал было трудно найти, что вполне устраивало Нэша.

Увидев вдалеке невысокое строение – перед входом на медном кронштейне висел фонарь, отбрасывавший слабый свет на ступеньки крыльца, – Нэш ускорил шаг. Когда он приблизился к дому, из кустов вышел гвардеец в красивой униформе, подтягивавший на ходу штаны.

Они вежливо раскланялись, и гвардеец исчез в темноте. Из-за двери слышался громкий смех. Отступив в тень под деревом, Нэш стал терпеливо ждать.

Время от времени из заведения выходили мужчины – военные и джентльмены. Спустившись с крыльца, они исчезали в темной узкой улочке, ведущей от бывших конюшен в фешенебельный квартал. Наконец из дома вышел еще один человек, он направился прямо к дереву, под которым стоял Нэш. Уверенная походка мужчины свидетельствовала о том, что он был совершенно трезв.

– Добрый вечер, сэр.

– Добрый вечер, – откликнулся Нэш. – Похоже, сегодня вечером здесь собрались все расквартированные в городе гвардейцы. Собрались, предварительно напившись.

Подошедший к маркизу невысокий мужчина сдержанно улыбнулся.

– Вы правы, милорд, – сказал он. – Суонн говорил, что вам понадобились мои услуги...

Нэш достал кошелек и кивнул в сторону Уилтон-Кресент:

– Вы знаете женщину, которая живет в третьем доме по этой стороне Честер-стрит?

– Кто ж ее не знает? Это графиня Монтиньяк.

– Правильно. А вы уверены, что это ее настоящее имя?

Собеседник Нэша усмехнулся:

– Нет, не уверен. Но у нее высокопоставленные друзья, а ее муж – атташе при французском посольстве. Какого рода поручение вы желаете мне дать, милорд?

– Три ваших человека должны будут следить за домом графини день и ночь, – сказал Нэш. – Я должен знать имена всех, кто бывает там. Всех – от трубочистов до гостей, приглашенных на званый ужин. А если она выезжает, то мне должно

быть известно, где она бывает и с кем встречается. Докладывайте обо всем Суонну раз в неделю. Мы с вами больше не встретимся.

Сыщик поклонился:

– Все будет сделано. – Немного поколебавшись, он спросил: – Могу я говорить с вами откровенно, милорд?

Нэш приподнял темную бровь.

– Вне всяких сомнений.

– Будьте осторожны, сэр. Дипломатический корпус похож на гнездо гадюк, и в центре его извивается графиня Монтиньяк. Эта женщина готова продать собственную мать, если ей предложат хорошие деньги.

На лице маркиза появилась горькая усмешка.

– Я прекрасно знаю это. Тем не менее спасибо за предостережение.

Глава 1. Праздник на Ганновер-стрит

Весна 1828 года

Мисс Ксантия Невилл думала о том, что ей не мешало бы завести роман. Эта мысль пришла ей в голову в тот момент, когда она наблюдала за красивыми, элегантно одетыми джентльменами, вальсировавшими со своими партнершами в бальном зале. Подолы легких платьев и фалды фраков развевались в вихре танца. Вальсировавшие пары были ярко освещены тысячами свечей. Слышался звон бокалов с шампанским. Дамы флиртовали с кавалерами. Всем было весело, потому что никто не остался в этот вечер в одиночестве.

Никто, кроме Ксантии. В свои неполные тридцать она была закоренелой старой девой. Тем не менее сегодня на бал она явилась в красном наряде. Для этого

платья Ксантия намеренно выбрала самый яркий бархат, какой только смогла найти в лавках на Пэлл-Мэлл. Одевшись подобным образом, она как будто подавала сигнал кому-то в бальном зале дома лорда Шарпа.

Впрочем, теперь ей казалось, что она пытается обмануть саму себя. Возможно, все дело было в том, что Ксантия выпила сегодня слишком много шампанского. Однако даже в этом состоянии ей не следовало забывать, что в Англии незамужние леди не заводят любовные связи. Они могут надеяться только на предложение руки и сердца. Даже ее циничный брат не потерпит скандала в своей семье. Кроме того, Ксантия понятия не имела, как улаживаются любовные дела, хотя в других областях была довольно сведущей женщиной. Она знала, как обвести вокруг пальца самых хитрых таможенных служащих, умела оформлять на трех языках сопроводительные документы к грузам и могла сразу же распознать нечистого на руку коммерсанта. Но как устроить свою личную жизнь, она не знала.

В бальном зале было много хорошеньких молоденьких девушек, впервые вывезенных в свет. Конечно же, на них не было ярко-красных нарядов. Для этих невинных созданий существовало множество возможностей устроить свою жизнь. Для них были открыты все пути. Ксантия завидовала им, и тем не менее она не хотела бы поменяться местами ни с одной из них.

Отвернувшись от пестрой толпы нарядных дам и кавалеров, Ксантия вышла на террасу, ища уединения. Удаляясь от шумного зала, она слушала стук каблучков своих бальных туфель по каменным плитам. Вскоре звуки оркестра стали приглушенными, а гул голосов стих. Даже влюбленные парочки не рисковали уходить так далеко от освещенного зала. Возможно, Ксантия тоже не стала бы удаляться от людей в этот поздний час, но густая тень и царившая вокруг тишина манили ее.

Дойдя до конца террасы, Ксантия остановилась и прислонилась спиной к кирпичной стене, еще хранившей тепло не по сезону солнечного дня. Ксантия уже четыре месяца находилась в Лондоне и постоянно здесь мерзла, но сейчас ей было хорошо. Закрыв глаза, она поднесла к губам бокал с шампанским и с наслаждением сделала глоток.

– Ах, если бы причиной этого упоения был я! – послышался вдруг рядом чей-то тихий голос. – Такое выражение лица я видел лишь у тех женщин, с которыми предавался любви.

Едва не вскрикнув от испуга, Ксантия открыла глаза. Перед ней стоял высокий стройный мужчина. Он загораживал проход, и Ксантия не могла обойти его. В темноте она не видела его лица, но чувствовала на себе взгляд его жгучих глаз. Она заметила этого человека в комнате, где играли в карты. Он со скучающим видом сидел за карточным столом. Ксантия видела, что многие дамы обращали на него внимание. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые нравятся женщинам. Причем дело было не в красоте, а в чем-то более притягательном, связанном с первобытными инстинктами.

Ксантия вскинула подбородок.

– В доме Шарпа сегодня настоящее столпотворение, – сказала она. – И я думала, что мое отсутствие останется незамеченным.

– Возможно, оно действительно осталось без внимания. Мне это неизвестно. Я здесь нахожусь уже довольно давно. Минут пятнадцать по крайней мере. – Незнакомец вышел из тени, и теперь его лицо освещал призрачный лунный свет. – У Шарпа всегда великолепное шампанское, – сказал он, глядя на пустой бокал Ксантии. – Ему не откажешь в хорошем вкусе. А вам, моя дорогая, я настоятельно советую вернуться в бальный зал. Это было бы благоразумно.

Однако Ксантия проигнорировала совет. Она внимательно вглядывалась в лицо собеседника. Его нельзя было назвать красивым. Черты лица стоявшего перед ней джентльмена были довольно грубыми. Орлиный нос, массивная челюсть, чуть раскосые глаза. Темные волосы незнакомца были длиннее, чем это предписывала мода. Ксантию охватила тревога. От этого человека исходило ощущение опасности.

– Нет. – Она покачала головой. – Я лучше побуду здесь.

– Как вам будет угодно. – Незнакомец пожал плечами. – Вы похожи на кошку, отыскавшую теплый угол. Вам холодно?

Ксантия вспомнила ласковое солнце Бэйана.

– Я постоянно мерзну, – призналась она. – И никак не могу согреться.

– Мне вас жаль. – Он внимательно посмотрел на нее и протянул руку: – Кажется, мы не знакомы. Я уверен, что вы недавно приехали в Лондон.

Она взглянула на его руку, но не стала протягивать свою.

– Вы считаете, что всех в городе знаете?

– Да, считаю. Это входит в мои обязанности.

– Неужели? – Ксантия поставила пустой бокал на парапет террасы. – Очень интересно... А чем вы занимаетесь?

– Хорошо знать людей – это и есть мое занятие.

– Ах, как таинственно! – В голосе Ксантии звучали нотки иронии. – Позвольте полюбопытствовать, а от кого вы тут прячетесь? От рассерженного мужа? От надоевшей женщины? Или от назойливых сводней, которые разглядели в вас хорошую партию для своих подопечных?

Незнакомец улыбнулся.

– А вы наблюдательны. Я действительно неловко чувствую себя в бальном зале. Похоже, многие дамы возлагают на меня большие надежды. Впрочем, я стараюсь не задумываться над этим.

– Надежды, ожидания... – в задумчивости проговорила Ксантия. – Как часто они заставляют нас нервничать и испытывать неприятные чувства. Мы не спешим оправдывать их. От нас постоянно требуют или ждут чего-то, но мы этого не делаем, и тогда нас называют упрямыми. Или эксцентричными людьми. Я часто задаюсь вопросом: почему так происходит?

– Действительно, почему? – Он помолчал. – А вы, моя дорогая, похоже, принадлежите к тому типу женщин, которые способны на неожиданные поступки. Мне кажется, что вы очень отличаетесь от всех остальных, от тех, кто кружится сейчас в бальном зале.

«От всех остальных...» Эти слова, как жирная черта, сразу же отделили их двоих от других гостей. Ее собеседник тоже не походил на обычных людей – Ксантия чувствовала это. Ее вдруг бросило в дрожь. На мгновение ей показалось, что незнакомец видит ее насквозь, проникает взглядом в самые заветные уголки ее души. Она почти физически ощущала тяжесть его взгляда.

Ксантия насторожилась. «Что я делаю здесь, в темноте, с этим незнакомцем? Зачем разговариваю с ним?» – спросила она себя.

– Вы чрезвычайно молчаливы, моя дорогая.

– Мне просто нечего вам сказать, – ответила Ксантия. – Я живу в простоте и строгости и редко бываю в обществе.

– Я тоже, – сказал он. Понизив голос, добавил: – И тем не менее мы здесь...

Он так близко придвинулся к ней, что Ксантия почувствовала запах его одеколона. Это был весьма интригующий аромат – смесь дыма и цитрусовых. Жгучий взгляд незнакомца, казалось, проникал ей в душу, и Ксантии вдруг почудилось, что каменный пол террасы уплывает из-под ее ног.

– Простите... – пролепетала она, – а вы, наверное, пользуетесь амбровым маслом... Это так?

– Да, но не только им.

– Еще я чувствую запах неролиевого масла. Однако у амбры редкий аромат, его ни с чем не спутаешь.

Незнакомец был явно польщен ее замечанием.

– Я удивлен вашими познаниями.

– Я неплохо разбираюсь в пряностях и маслах.

– Правда? Мой парфюмер заказывает амбру из-за границы специально для меня. Вам нравится этот запах?

– Не очень, – призналась Ксантия.

– В таком случае завтра я не буду так душиться.

– Завтра?..

– Да. Я нанесу вам завтра визит. Кстати, дорогая моя, не соблаговолите ли вы назвать свое имя? Впрочем, имя вашего мужа устроило бы меня больше. Зная его, я сразу же установил бы, когда ваш достойный супруг бывает в клубе, а вы, следовательно, остаетесь дома одна.

– Я не знаю его имени, – сказала Ксантия. – Но я вижу, что вы довольно наглый субъект.

– Наглость – второе счастье, а от скромности одни убытки. Вы согласны?

Ксантия рассмеялась:

– Согласна. Эти истины я познала на собственном горьком опыте.

Незнакомец на мгновение задумался, потом сказал:

– А вы несколько не похожи на робкую, застенчивую леди. Скажите честно, дорогая моя, вы так же дерзки и смелы, как ваш ярко-красный наряд?

– В некоторых ситуациях, – ответила Ксантия. – Если чего-то очень сильно хочешь, приходится порой быть дерзкой и наглой.

Незнакомец вдруг взял ее за локоть, и Ксантию бросило в дрожь.

– Вы заинтриговали меня, – проговорил он хрипловатым голосом. – Давно уже никто не вызывал у меня столь острого интереса, как вы.

– Как я вас понимаю! – вырвалось у Ксантии. – Мне очень хотелось бы... – Она запнулась. – О, я сама не знаю, что говорю! Не обращайтесь внимания на мои слова. Пожалуй, мне пора идти.

– А что вы собирались сказать? Чего вам хотелось бы, моя дорогая? Говорите прямо. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы исполнить ваше желание. Мне это доставит огромное удовольствие.

От этих его слов по телу Ксантии снова пробежала дрожь.

– Нет, я оставлю свои желания при себе. Вы опасный человек, сэр. Мне нельзя оставаться здесь.

– Подождите! – Он привлек ее к себе. – Давайте заключим сделку. Я сообщу вам свое имя и назову род занятий, а вы за это... – Он сделал паузу, и Ксантия затаила дыхание. – Вы за это поцелуете меня. Только не по-сестрински, а по-настоящему.

Глаза Ксантии округлились. Но вместе со страхом в ее душе проснулось любопытство. В конце концов, она ведь сама начала эту глупую игру в кошки-мышки... Кроме того, ей безумно хотелось, чтобы этот мужчина поцеловал ее.

Он не стал дожидаться, когда Ксантия разрешит ему осуществить задуманное. Обняв ее, он с жадностью впился губами в губы Ксантии, и его язык проник ей в рот. Ксантию тотчас же захлестнуло желание, и она, прижавшись к нему, ответила на его знойный поцелуй.

При этом она чувствовала, что силы покидают ее – незнакомец словно лишил ее воли, и теперь она, Ксантия, находилась в полной его власти. Его страсть передавалась ей, его возбуждение перекинулось на нее точно пламя пожара. Никто еще не целовал ее так страстно и так неистово. Ксантия обвила руками его шею, а дыхание ее участилось и стало прерывистым. Запах одеколона, исходивший от разгоряченного тела незнакомца, становился все сильнее, и Ксантия чувствовала, что теряет голову.

– О боже... это настоящее безумие, – пробормотала она, прервав поцелуй, и не узнала собственный голос.

– Да, но это великолепное безумие.

Его ладонь легла ей на бедро, и Ксантия еще крепче к нему прижалась. Тут он вдруг приподнял ее подол, и его руки проникли ей под платье. Прижав Ксантию спиной к кирпичной стене и подложив ладонь ей под ягодицы, он попытался раздвинуть ее ноги.

– О, подождите... не надо... – прошептала она.

– Мы здесь одни, дорогая моя, – проговорил он, осыпая поцелуями ее лицо и шею. – Я уверен, что вам нечего бояться. Положитесь на меня.

Ксантия таяла от его голоса. Она готова была уступить ему, хотя понимала, что ведет себя глупо. Она действительно сошла с ума от неудержимого желания сблизиться с этим мужчиной. Когда он снова припал к ее губам, она сдалась – позволила ему делать все, что он хотел. И в этот момент он уже не казался незнакомцем, казался близким человеком, хорошо знавшим ее тело.

Его теплая рука проникла в ее промежность, и он, не прерывая поцелуя, издал глубокий стон и стал ласкать самые заповедные уголки ее тела. У Ксантии подкашивались колени. Движения руки незнакомца стали ритмичными, и темп все ускорялся. Задышавшись от возбуждения, Ксантия выгибала спину, пытаясь покрепче прижаться к незнакомцу, пытаясь слиться с ним в единое целое.

Напряжение в ее теле нарастало; у нее возникло такое чувство, что она вот-вот взорвется. И боль тоже нарастала; в глазах у Ксантии потемнело, а по телу пробежала судорога. Ей казалось, что она утратила ощущение реальности. «Неужели я схожу с ума?» – подумала Ксантия в испуге.

– Отдайтесь мне, дорогая, – прошептал незнакомец, прижавшись губами к ее уху и покусывая мочку. – О боже, как вы прекрасны!

– Я думаю... нам надо остановиться... – пролепетала Ксантия, дрожа всем телом.

Из груди незнакомца вырвался глухой стон, и его рука замерла на ее бедре.

– Вы в этом уверены? – прохрипел он. – Давайте вместе убежим отсюда и поедem ко мне. Мы проведем ночь в моей постели, и я обещаю, что вы получите огромное наслаждение. Я исполню любое ваше желание, любую прихоть.

Ксантия покачала головой:

– Нет, это невозможно. Я не знаю, что нашло на меня сегодня. Вы, должно быть, решили, что я шлюха...

Пока она говорила, незнакомец опустил подол ее платья и аккуратно разгладил складки.

– Нет, – возразил он, – я решил, что вы чувственная женщина с неутоленной жадой страсти и что вы позволите мне исправить столь прискорбное упущение судьбы.

Ксантия засмеялась:

– Боже мой, я, должно быть, сошла с ума! Я едва не отдалась мужчине, которого совсем не знаю!

Он отступил на шаг и отвесил учтивый поклон:

– Разрешите представиться. Моя фамилия Нэш. Я игрок и профессиональный сибарит.

Профессиональный сибарит?

Ксантия лишилась дара речи. Только теперь она в полной мере осознала весь ужас своего падения. Как могла она вести себя столь безрассудно?

Повернувшись, Ксантия пустилась наутек. Это было, конечно, глупо и смешно, но что еще ей оставалось делать в такой ситуации?

Охваченная паникой, Ксантия во весь дух неслась по террасе. Слава богу, что вокруг не было ни души. Позади нее не слышалось топота ног. Нэш, похоже, и не думал бежать за ней. Впереди маячил свет, падавший из окон бального зала. За несколько шагов до двери Ксантия остановилась, чтобы перевести дух и поправить прическу и наряд. За спиной по-прежнему было тихо. Слава богу, ее никто не преследовал.

О чем она думала? На что надеялась, пускаясь во все тяжкие? Пытаясь отдышаться, Ксантия оперлась рукой о раму окна. У нее подкашивались ноги. Вот так прогулка! Она мечтала пережить небольшое пикантное приключение – и получила именно то, что хотела. Она, безрассудная, позволила незнакомому мужчине поцеловать ее, а потом едва не отдалась ему. И вот теперь не могла унять бившую ее дрожь... После жара смелых ласк, которыми ее осыпал Нэш, ей вдруг стало холодно.

Разозлившись на себя, Ксантия расправила плечи и вошла в бальный зал с гордо поднятой головой. На ее губах играла светская улыбка, но на душе кошки скребли. Она ругала себя на чем свет стоит, ругала за то, что пошла на поводу у своих фантазий, выпив слишком много шампанского. Ксантия не понимала, как могла решиться на такое... Действительно, почему она позволила мистеру Нэшу целовать и ласкать ее? Наверное, в ее воображении он предстал там, на террасе, настоящим дьяволом-искусителем с огненным взглядом и пронзительным взглядом, проникающим прямо в душу. Надо же было такое придумать! На самом деле мистер Нэш – самый обычный человек. Да, воздержание не доводит до добра...

Теперь ей оставалось только одно – молиться о том, чтобы Нэш оказался джентльменом. Сама Ксантия не боялась сплетен и грязных слухов о себе, но ей следовало подумать о брате Киране и Мартинике, горячо любимой племяннице. Скандал мог отразиться и на репутации ее родственников – леди и лорда Шарп, а также их дочери Луизы, для которой этот бал был первым в жизни.

Пробираясь сквозь толпу нарядных гостей, Ксантия сдержанно кивала знакомым, стараясь сохранять спокойствие. В глубине души она боялась, что выглядит сейчас как потаскуха, только что отдавшаяся мужчине. Однако никто не смотрел на нее с презрением или подозрением, и она постепенно успокоилась. Но воспоминания о прикосновениях и ласках Нэша не покидали ее. О боже, ей нужно срочно найти брата и попросить отвезти ее домой, пока она не наделала глупостей. Ксантия опасалась, что, встретившись с мистером Нэшем, в порыве чувств швырнет в него свою подвязку от чулок.

Она остановила проходившего мимо слугу и спросила его, не видел ли он Кирана. Слуга поклонился и ответил, что лорд Ротуэлл находится в зале для игры в карты.

– Передайте ему, пожалуйста, что мне пора ехать домой, – попросила Ксантия.

Ей не хотелось отрывать брата от игры, но она боялась оставаться в доме Шарпов, где в любой момент могла снова столкнуться с мистером Нэшем. Тут она вдруг вспомнила о том, что Нэш так и не узнал ее имя. Она убежала, не назвав своего имени, а он не стал догонять ее. Вероятно, Нэш утратил к ней всякий интерес.

Может быть, ему не понравилось, как она целуется? Мысль об этом была неприятна Ксантии. Впрочем, было бы гораздо хуже, если бы Нэш преследовал ее. Она надеялась, что они больше никогда не встретятся, поскольку он не знал ее имени. К тому же Ксантия редко бывала в обществе – у нее не было времени на то, чтобы ездить в гости и на балы.

Эти размышления немного успокоили Ксантию, и она спустилась в холл, где леди Шарп прощалась со своей невесткой, миссис Эмброуз. Увидев Ксантию, миссис Эмброуз расцеловала ее в обе щеки.

– Ксантия, дорогая моя, вам надо больше бывать на воздухе, – сказала она. – Вы неважно выглядите. Мне не нравится ваш цвет лица.

– Благодарю вас за заботу, вы очень добры, – вежливо промолвила Ксантия. – Кстати, вы не видели Кирана?

Миссис Эмброуз усмехнулась.

– Он, как обычно, сидит за карточным столом, – ответила она.

Когда невестка ушла, леди Шарп громко рассмеялась.

– Вот уж ехидна!.. – Она чмокнула Ксантию в щеку и, понизив голос, проговорила: – Я польщена, дорогая, что мои нелюдимые родственники почтили наш бал своим присутствием.

– О, Памела, мы не могли не приехать на первый бал Луизы.

Ксантия потянулась к леди Шарп, чтобы обнять ее, но та вдруг покачнулась и стала оседать на пол. Ксантия подхватила ее.

– Памела, что с вами?! – в ужасе воскликнула она. Повернувшись к слугам, громко сказала: – Принесите стул и позовите горничную вашей госпожи!

Слуги тут же принесли стул, и Ксантия, усадив на него леди Шарп, опустилась на колени и стала обмахивать ее веером.

– Это все из-за волнения, – пробормотала Памела. – Спасибо, дорогая. Веер – это именно то, что мне сейчас нужно. Я смертельно устала сегодня, просто с ног валюсь. Но прошу вас, не говорите Шарпу о том, что произошло.

В этот момент в холле появился брат Ксантии.

– Вы плохо выглядите, Памела, – заметил он.

Щеки леди Шарп порозовели.

– Это последствия духоты. – Она попыталась улыбнуться. – И потом, не забывайте о моем возрасте, Киран. Впрочем, хватит об этом, не задавайте мне больше вопросов, а не то, клянусь, я скажу что-нибудь лишнее и обижу вас резким словом.

Киран смутился, покраснел и, развернувшись, отправился искать свою карету. Когда явилась горничная леди Шарп, Ксантия встала с колен.

– Мне не нравится ваш цвет лица, Памела, – сказала она. – О боже, я сейчас говорю, как миссис Эмброуз!

Леди Шарп грустно улыбнулась.

– Но вы сказали правду, дорогая моя. Мне жаль, что я дала вам повод нелестно отозваться о моей внешности.

– Давайте встретимся завтра и спокойно поговорим обо всем, – предложила Ксантия. – Приезжайте ко мне пить чай часа, скажем, в три.

Глава 2. Контора в Уэппинге

К рассвету начался ливень, который днем перешел в мелкий надоедливый дождь, зарядивший, похоже, на целую неделю. Все небо было обложено серыми тучами. Стоя у окна спальни в кремовом шелковом халате и попивая свой утренний кофе – хотя было уже далеко не утро, – Нэш хмурился, глядя на Парк-лейн.

Накануне он за полночь уехал из дома Шарпов и отправился сначала в клуб «Уайтс», чтобы поиграть в кости – это был один из его пороков, – а потом поехал к своей любовнице в дом на Генриетта-стрит. Однако ни в клубе, ни у своей пассии он так и не получил удовлетворения, которого жаждал. Он безо всякого труда выиграл у сэра Генри Даннана пятьсот фунтов, но это не принесло ему удовольствия. А Лизетта в своем французском прозрачном пеньюаре – при виде которого Нэш сразу же вспомнил, как много денег за него заплатил – только еще больше испортила ему настроение своим нытьем. Эта женщина требовала от Нэша, чтобы он ходил перед ней на задних лапках.

Их свидание закончилось ссорой, в ходе которой было высказано множество упреков, пролито немало женских слез и разбито несколько бокалов. Нэш посмотрел на свою ладонь. Слава богу, рана на ней уже не кровоточила, на этот раз ему не понадобилась помощь хирурга. «Пора бы уже расстаться с Лизеттой», – подумал Нэш. Эта мысль не радовала его, но и не слишком печалила.

Сейчас его больше занимали воспоминания о вечере в доме Шарпов. Из-за своей похоти и выпитого там шампанского он позволил себе лишнее. Если бы он захотел, то без труда узнал бы имя дамы в красном, с которой развлекался на террасе. Но Нэш не стал наводить о ней справки. Правда, теперь он злился на себя из-за этого. Злился на себя и на нее.

Нэш перебирал в памяти события вчерашнего вечера. Какую цену ему придется заплатить за то, что он поддался искушению? Каким образом удалось даме в красном заставить его забыть обо всем на свете и утратить контроль над собой? Нэш редко терял голову. Но эта женщина была воплощение огненной страсти, она таяла от его ласк и поцелуев.

Правда, когда дама в красном вырвалась из его объятий, она вдруг запаниковала, как девчонка, и убежала. Именно это противоречие в ее поступках сильнее всего беспокоило Нэша.

С его стороны было глупо сидеть без дела, теряясь в догадках и перебирая в памяти события вчерашнего вечера. Если ему угрожает какая-то опасность, надо знать о ней все. Дама в красном не ждет, что он вдруг явится к ней, а неожиданность всегда является неоценимым преимуществом при нападении.

– Доброе утро, милорд, – слышался у него за спиной голос вошедшего в спальню Гиббонса. – Я замочил вашу рубашку в холодной воде, и кровавые пятна сошли с нее. Извольте, чтобы я принес сюртук для утренних визитов? Или, может быть, вы желаете отправиться на прогулку верхом?

– Да, я отправлюсь верхом по делам, когда дождь немного стихнет.

– Судя по вашему угрюмому виду, вас ждут неприятные дела, – заметил Гиббонс. Слуга был довольно дерзким малым. – Осмелюсь спросить, не собираетесь ли вы дать отставку мисс Лайл?

Нэш усмехнулся.

– Рано или поздно актерский темперамент начинает утомлять, – ответил он. – Ты не представляешь, Гиббонс, в какую сумму мне обошлась эта женщина.

– Мистер Суонн говорит, что вы потратили на нее целое состояние.

– Ну да, конечно. Ему ли не знать... – пробормотал Нэш, глядя в чашку с остатками кофе. Интересно, что нагадала бы ему гадалка на этой кофейной гуще. Нэш терпеть не мог чай, который предпочитали англичане, и всегда по утрам пил крепкий черный бодрящий кофе. – Скажите, Гиббонс, обо мне все слуги сплетничают или только вы с Суонном?

– Все, – коротко ответил Гиббонс. Он встал на стремянку и пошарил на верхней полке гардеробной. – Увы, милорд, наша жизнь скучна и ничем не примечательна. Поэтому в поисках острых ощущений мы с интересом следим за вашей.

– Порой, Гиббонс, я жалею о том, что моя жизнь столь богата событиями. Я предпочел бы, чтобы их было поменьше. Мне нравится размеренный образ жизни моего сводного брата. У него достаточно денег для того, чтобы вести безбедное существование, и он делает карьеру, находясь на службе у государства. Как вы думаете, я смог бы так жить?

– Не могу знать, сэр, – проворчал Гиббонс и, пыхтя, с большим трудом достал с верхней полки большую картонную коробку. – Но если вы решите поступить на государственную службу, отказавшись от своего образа жизни, то, будьте так добры, заблаговременно известите меня об этом, чтобы я успел найти себе другое место.

– Что?! – изумился Нэш. – Вы не желаете быть в услужении у видного политика, члена палаты общин?

– Если бы вы были на месте вашего брата, мои услуги были бы вам не по карману, сэр.

И Гиббонс был совершенно прав. Нэш тратил на обслуживающий персонал уйму денег. Многочисленный штат прислуги – от коридорного до французского шеф-повара и Суонна, поверенного в делах – с готовностью исполнял любую его прихоть, любой каприз. И всем им Нэш хорошо платил.

У Нэша был свой банкир, свой мясник, свой сапожник, свой поставщик вина, свой галантерейщик и свой зеленщик. Кроме того, Нэш содержал мачеху и двух сестер. И в его поместьях было множество слуг. К тому же он материально помогал сводному брату Тони и двум престарелым тетушкам, живущим в Камбрии. Нэш платил жалованье угольщикам корнуолльской шахты, которую выиграл у старика Талбота в очко. Нэш походил на средневекового сюзерена, владеющего многочисленными поместьями. Он даже носил титул – был маркизом. На его плечах лежало огромное бремя, и Нэш опасался, что однажды оно станет неподъемным.

– Думаю, что сегодня лучше взять карету, милорд, – заметил Гиббонс, выглянув в окно. – Мне не хочется, чтобы вы заболели пневмонией.

– Да, хорошо, – с удрученным видом промолвил Нэш.

Он должен был во что бы то ни стало разузнать имя женщины, возбуждавшей в нем непреодолимую страсть, но этого не сделаешь анонимно, если будешь разъезжать по городу в карете с гербом на дверце. Но, с другой стороны, экипаж обеспечивал ему комфорт. Собственная карета была одной из привилегий, и поэтому...

Тут скрипнула дверь, и Нэш, вздрогнув, вышел из задумчивости. Обернувшись, он увидел сводного брата.

– Вот ты где, Стефан! У тебя есть горячий кофе? Я промок до нитки.

Не дожидаясь распоряжения хозяина, Гиббонс налил гостю чашку кофе.

– Да, сегодня скверная погода, – согласился Нэш. – Что привело тебя ко мне?

Достопочтенный Энтони Хейден-Уэрт широко улыбнулся и уселся поближе к столу.

– Разве я не могу заехать к своему брату просто так, без всякого дела? – спросил он, сделав глоток ароматного напитка.

Нэш прошелся по комнате.

– Конечно, можешь. Но если тебе что-нибудь от меня нужно, то говори прямо.

– Абсолютно ничего. Тем не менее я благодарю тебя за заботу.

– Как поживает Дженни? – спросил Нэш.

Тони пожал плечами:

– На прошлой неделе она уехала в Брайервуд. Похоже, она обожает это место. Возможно, Дженни скучает по маме и девочкам. Надеюсь, ты не против этой поездки.

– Не говори глупости, Тони. Дженни должна чувствовать себя в Брайервуде как у себя дома. Я хочу, чтобы она была счастлива.

– О, Дженни вполне счастлива с тех пор, как оплатили все ее счета, – проговорил Тони, усмехнувшись. – Я знаю, что она намеревается съездить во Францию.

– Отец действительно лишил ее всяких средств к существованию?

Тони покачал головой:

– Я бы так не сказал. Наша Дженни – избалованная принцесса. Папа угрожает оставить ее без денег, но время от времени присылает ей банковские чеки на солидную сумму.

– Возможно, было бы лучше, если бы он этого не делал, – заметил Нэш.

– Но почему же? Ты собираешься сам оплачивать ее счета? Нет уж, спасибо, я не хочу, чтобы мой долг тебе постоянно рос.

Нэш сел и, стараясь сохранять спокойствие, налил себе еще одну чашку кофе. Сделав несколько глотков, вновь заговорил:

– Я никогда не вмешивался в твои отношения с женой, Тони, но чувствую, что когда-нибудь ты вынудишь меня сделать это.

Тони снова усмехнулся:

– Знаешь, старина, я вообще-то явился к тебе, чтобы узнать, как ты провел эту ночь. Ты был вечером в клубе?

Это была попытка примирения, и Нэш пошел брату навстречу.

– Мне удалось наконец-то поговорить с лордом Хастли, и он согласился расстаться с племенной кобылой. За хорошие деньги, конечно.

– Поздравляю, Стефан! – воскликнул Тони. – Как тебе удалось уговорить его?

Нэш пожал плечами:

– Видишь ли, я приложил все силы... Чтобы встретиться с ним, мне пришлось сначала поехать на бал в дом Шарпов, а потом – в клуб «Уайтс».

– О боже! Ты был на балу?!

– Увы, пришлось...

Тони вдруг нахмурился.

– Будь осторожен, когда выезжаешь в свет, Стефан, – предупредил он брата. – Старые хитрые сводни могут окрутить тебя в два счета. Они очень опасны. Если попадешься в их сети, тебе не выпутаться из них даже с помощью больших денег.

От этих слов по спине Нэша пробежал холодок, но он тут же взял себя в руки.

– Ошибаешься, братец. Деньги помогут выпутаться из любой неприятности, – заявил он с напускной самоуверенностью. – Кроме того, я нахожусь под защитой своей дурной репутации. Это тоже неплохо. Как бы то ни было, но я нашел Хастли за карточным столом в доме Шарпов. Бедняга проигрался в пух и прах, и теперь он рассчитывает только на мои деньги.

– Не он один на них рассчитывает! – со смехом воскликнул Тони.

Теперь уже Нэш нахмурился. Взвешивая каждое слово, он отчетливо проговорил:

– Ты имеешь право на получение денежного содержания, потому что так распорядился отец. Я не могу не исполнить его волю.

Снова улыбнувшись, Тони поспешно сменил тему и заговорил о политике. Нэш не интересовался политикой и поэтому отвечал коротко, с безучастным выражением лица.

– Поверь мне, Стефан, этот проклятый вопрос о католицизме грозит кое-кому политической смертью, – заявил Тони. – Я считаю, что премьер-министр сам себе

роет яму.

– К тому же склоки в семье до добра не доводят, – заметил Нэш.

Тони громко рассмеялся.

– Кстати, старина, – напомнил он, – в будущем месяце маме исполняется пятьдесят.

– Да, я не забыл об этом.

– И я хочу устроить для нее праздник, если ты не возражаешь. Давай пригласим гостей на неделю в Брайервуд и закончим празднование юбилея роскошным балом.

– Прекрасная идея, – одобрил Нэш. – Дженни будет довольна. Наконец-то у нее появится занятие. Я не раз говорил, что женщины обожают устраивать праздники.

– Не думаю, что домашний праздник для друзей мамы вызовет у Дженни энтузиазм, – с сомнением заметил Тони. – Ты-то сам приедешь, а, Стефан? Брайервуд – твой дом, не забывай. К тому же мама будет рада видеть тебя.

На лицо Нэша набежала тень.

– Пока не знаю... Скажи, а какие у тебя планы на сегодняшний день? Ты заглянешь вечером в «Уайтс»?

– Вряд ли. – Тони покачал головой. – У меня дела. Вечером состоится собрание, на котором мы должны выработать предвыборную стратегию.

– Может, в таком случае поужинаешь у меня?

– Я был бы не прочь, если только ты простишь меня за то, что после ужина я сразу же уйду. Политические дискуссии обычно затягиваются до поздней ночи.

– Не понимаю... Тебе нечего беспокоиться. Ты переизбран в палату общин и теперь можешь расслабиться.

Тони отодвинул стул и встал.

– Политика – коварная вещь, Стефан. Выборы требуют не только уймы денег, но и массы усилий. Тебе повезло, старина, ты являешься членом палаты лордов, и тебя может не интересовать мнение простых людей и их голоса.

Нэш криво усмехнулся:

– Меня действительно не интересует ни то ни другое, Тони. Я слишком увлечен своими привилегиями, а также своими пороками.

– Не говори так, – сказал Тони. – Такие слова могут бросить тень на твою репутацию. А если тебе на нее наплевать, то хотя бы подумай о маме.

– Надо же! Никогда не думал, что мой сводный брат будет заботиться о моем добром имени. Что же касается Эдвины, то я обожаю ее, а она любит меня. Но не она родила и воспитала меня, поэтому твоя мать не несет за меня никакой ответственности.

Тони хотел еще что-то сказать, но в этот момент раздался голос Гиббонса.

– Произошло чудо, милорд! – воскликнул он. – Дождь прекратился! Теперь вы можете безбоязненно выехать из дома.

– Превосходно, Гиббонс! – оживился Нэш. – Вели заложить двуколку и подай мне мой темно-серый сюртук.

Небо в Уэппинге прояснилось только во второй половине дня. Стоя у окна своей конторы, Ксантия смотрела на доки и пыталась сосредоточиться на работе. Несмотря на плохую погоду, движение судов по Темзе не прекращалось – речники были отчаянными парнями.

Лондонские доки всегда привлекали ее внимание и вызывали восхищение. Даже теперь, прожив здесь четыре месяца, Ксантия по-прежнему испытывала благоговейный трепет перед тем, что происходило в Ист-Энде. Все, что касалось развития промышленности и торговли, вызывало у нее живейший интерес. Для Ксантии Уэппинг и был настоящей Англией. Она не помнила годы своего младенчества, проведенные в Линкольншире. Всю свою сознательную жизнь она провела в Вест-Индии, и только пять лет назад они с Кираном впервые посетили Лондон и открыли здесь вторую контору «Невилл шипинг».

Как только Ксантия попала на территорию лондонских доков, она тут же почувствовала себя как дома. Ей не были близки ни загородные поместья, ни фешенебельный район Мейфэр, где располагался их дом. Она считала, что настоящая жизнь кипит только здесь, среди портовой грязи и вони. И если Темза была главной артерией Лондона, то Уэппинг, несомненно, являлся его сердцем.

Шесть дней в неделю ландо Кирана доставляло ее из роскошного особняка на Беркли-сквер в другой мир – в мир докеров, бондарей, матросов и лодочников. Здесь смешались все языки, все наречия и даже конфессии. На общем фоне особенно выделялись рослые шведы и норвежцы. Китайцы и африканцы принесли с собой странную музыку и экзотические блюда. Французы и итальянцы тоже здесь прижились; для них Уэппинг стал таким же родным, как Шербур или Генуя.

Внезапно дверь за спиной Ксантии распахнулась, и на нее дохнуло холодом. Обернувшись, она увидела Гарета Ллойда, своего служащего. Положив на стол бухгалтерскую книгу, которую держал в руках, он сообщил:

– Судно «Попутный ветер» бросило якорь в порту.

– Отличная новость! – воскликнула Ксантия. Вернувшись к столу, она взглянула на расписание движения судов. – Быстро же они обернулись. С грузом и экипажем все в порядке?

– Я разговаривал с боцманом. Он сказал, что капитан Стреттон взял на борт дополнительную тонну слоновой кости, когда они обходили мыс Доброй Надежды. – Ллойд провел ладонью по своим густым золотистым волосам. – К сожалению, груз цитрусовых подпортился в пути. Фрукты были заражены черным грибом. По моим прикидкам, примерно треть груза пропала.

Это было неприятное известие. Впрочем, Ксантия привыкла к подобным потерям. Откинувшись на спинку стула, она поежилась и обняла себя за плечи.

Ллойд подошел к камину. Поворошив кочергой угли, спросил:

– Вы снова мерзнете? Сейчас я разведу большой огонь.

– Спасибо, – кивнула Ксантия.

Подбросив поленья в камин, Ллойд подошел к огромной карте, занимавшей всю стену, и стал разглядывать нанесенные на нее красные маршрутные линии. Он прекрасно знал все маршруты и, наверное, мог бы показать их на карте даже с закрытыми глазами.

Гарет Ллойд служил в компании уже двенадцать лет, поступил же на службу сразу после смерти Люка, старшего брата Ксантии. Ллойд обладал деловой хваткой и неплохо разбирался в финансах. Таких людей было немного в Вест-Индии, и они высоко ценились. Морские перевозки считались рискованным делом. Тот, кто занимался ими, мог в одночасье потерять все свое состояние. Куда надежнее и прибыльнее было выращивать сахарный тростник. Занимаясь сельским хозяйством, Киран приумножил богатство семьи. Однако Ксантия выросла в доме Люка, поэтому часто вместе с ним ходила в контору компании. Она полюбила море и все, что с ним связано. После смерти старшего брата Киран вынужден был сохранить его дело ради сестры. И Ксантия довольно быстро взяла бразды правления в свои руки, так что и банкиры, и торговцы, и капитаны морских судов стали считаться с ней.

Что же касается Ллойда, то он в основном занимался бухгалтерией, и Киран не возражал против этого. На Барбадосе каждый привык заниматься тем, что у него лучше всего получалось.

Дела шли в гору. «Невилл шипинг» процветала, и ее суда бороздили все моря и океаны, принося немалую прибыль владельцам.

Тут Ллойд, пристально взглянув на нее, спросил:

– А вы ведь вчера вечером были в доме лорда Шарпа, не так ли?

– Да, была. Хотя мне очень не хотелось туда ехать.

– Шумный великосветский бал в разгар сезона... – в задумчивости продолжил Ллойд. – Неужели это все, о чем только может мечтать женщина?

– Некоторые женщины именно такие.

Закрыв тетрадь с расписанием движения судов, Ксантия поднялась из-за стола. Ллойд подошел к ней почти вплотную и посмотрел ей прямо в глаза.

– Вы прекрасно знаете, Ксантия, что не сможете жить двойной жизнью, – проговорил он холодно. – Нельзя быть одновременно светской красавицей и деловой женщиной, руководящей крупной компанией. Это Англия. Здесь вас не поймут и не примут.

– К черту светское общество и его законы! – заявила Ксантия. Вопрос, который сейчас поднял Ллойд, мучил ее все последние месяцы. – Если мое поведение не устраивает вас, Гарет, отправляйтесь в Бриджтаун.

– И что я там буду делать?

– Там у вас большие перспективы. Компания «Хэнкокс» предлагала вам хорошее жалованье, которое намного превышает нынешнее – даже с учетом того, что вам принадлежит часть наших акций и вы получаете дивиденды с прибыли. Я хорошо осведомлена, как видите. Да, я знаю о том заманчивом предложении, которое вам сделали. Я не понимаю только одного: почему вы до сих пор здесь?

– Черт побери, вы прекрасно знаете ответ на этот вопрос! – воскликнул Ллойд. Он схватил Ксантию за плечи и впился в ее губы жадным поцелуем.

Он застал ее врасплох, и Ксантия поначалу ему уступила. Жажда любви и одиночества, от которого она страдала, давали о себе знать. От Ллойда же исходило ощущение надежности и теплоты. В ее памяти невольно проснулось воспоминание о давно прошедшей страсти.

Почувствовав ее податливость, Гарет усилил свой напор; ему казалось, что он сумел разбудить в ней желание. Но это было далеко не так. Та страсть, которая

когда-то жила в ее душе, давно уже угасла, и Ксантия не хотела возвращаться в прошлое. Ллойд нужен был ей, но не как мужчина, а как друг и хороший работник. Ксантия не признавала страсти без любви. Упершись ладонями ему в грудь, она с силой оттолкнула его.

Ллойд устремил на нее жаркий взгляд, но Ксантия проговорила:

– Может, дать вам пощечину, чтобы вы успокоились и пришли в себя?

Огонь в глазах Ллойда погас.

– Что ж, ударьте меня, если вам от этого станет легче...

Пылая от гнева, Ксантия подняла руку, но холодный взгляд Ллойда остановил ее. Одумавшись, она опустила руку. Стараясь не смотреть на Ллойда, сказала:

– Уходите, Гарет. Вы мне надоели. Выпишите себе жалованье за следующий квартал и уходите. Вы уволены.

– Вы не можете уволить меня, Ксантия. – Ллойд отошел к своему столу. – Для этого требуется собрать две трети голосов в совете директоров компании. Его членами, как вы помните, являетесь вы, я и Ротуэлл. Может быть, вы попыдаете уговорить Ротуэлла отдать свой голос за мое увольнение? Но тогда вам придется рассказать ему о наших отношениях.

– Иногда мне кажется, что это не мешало бы сделать, – заявила Ксантия, поворачиваясь к нему спиной. – Порой я презираю вас, Гарет.

Он подошел к окну и, помолчав, проговорил:

– Нет, вы не презираете меня. Если бы вы презирали меня, мне, пожалуй, было бы легче. О боже, как я порой ненавижу нас обоих!

Ксантия внутренне содрогнулась. Оказывается, она была неважной актрисой. Ей действительно не хотелось расставаться с Гаретом, хорошим другом и отличным знатоком своего дела.

– Мне нужно идти, – заявила она.

Спор, в котором никто так и не одержал победу, был закончен, и оба это знали.

– Куда вы? – спросил Ллойд таким будничным голосом, как будто совершенно ничего не случилось. – Скоро сюда придут капитан Стреттон и казначей с декларацией судового груза и кассой.

– Меня ждет леди Шарп, – ответила Ксантия, аккуратно складывая документы на своем столе.

– Что ж, очень хорошо. Я сам приму Стреттона и улажу все дела. Вам вызвать карету?

– Я возьму ялик, – неожиданно сказала Ксантия. – По реке я быстрее доберусь. Дождь уже прекратился, и начался прилив.

Ллойд нахмурился.

– В Лондоне вы – леди, Ксантия. Не забывайте, что здесь леди не только не работают, но и не садятся в ялик одни без сопровождающих.

– Что вы предлагаете, Гарет? Вы хотите, чтобы я нежилась в роскоши, разъезжала по светским салонам, а вы в это время будете управлять компанией?

Ллойд отшатнулся как от удара в лицо.

– Зачем вы так, Ксантия? Я этого не заслужил!

– Простите. – Она снова обхватила плечи руками, словно ей было холодно. – Вы правы, Гарет. Забудьте то, что я сказала.

Ллойд привлек ее к себе.

– Ксантия, вам нельзя так жить! – воскликнул он. – Здесь, в Англии, вы должны быть той, кем являетесь по рождению, – настоящей леди!

– Вы хотите, чтобы я забыла о годах, проведенных под опекой отвратительного мота и негодяя, равного которому трудно найти во всем Бриджтауне?

Гарет не стал развивать эту тему. Он знал, что Ксантии неприятно вспоминать о дяде, с большой неохотой предоставившем когда-то кров ей и ее братьям.

– Вы – сестра барона Ротуэлла, – сказал он, – родственница графа Шарпа, племянница светской львицы леди Бледсо. Почему вы не желаете принимать это в расчет? Почему вы отказываетесь следовать по тому пути, который предназначен вам от рождения?

– Потому что я не могу забыть о прошлом, – ответила Ксантия. – Эта компания сделала меня, благодаря ей я почувствовала себя человеком. Я благодарна Богу, что мой брат дал мне шанс, разрешив управлять ею. И сейчас компания Невиллов значит для меня очень многое. Вы и представить себе не можете, какую огромную роль она играет в моей жизни. Я никогда – слышите? – никогда не откажусь от нее! И если вы рассчитывали на мой уход из компании, то вы просчитались. Вам придется очень долго ждать!

Ллойд, который в этот момент подошел к двери, остановился. Какое-то время он молча смотрел на Ксантию, наконец проговорил:

– Я ничего не жду. Я давно уже оставил это бесполезное занятие. Бейкли найдет для вас ялик, я сейчас распоряжусь. – С этими словами Ллойд вышел из конторы.

Ксантия же быстро собрала документы, положила их в кожаный портфель и надела плащ. Спустившись на первый этаж, где работали клерки, она посмотрела по сторонам, но Гарета здесь уже не было. Сунув портфель под мышку, она попрощалась с клерками и вышла на улицу. Там, как всегда, царило оживление.

Из бондарни, стоявшей рядом с другими мастерскими, доносились звяканье и лязг металла. С берега реки, где располагался пивоваренный завод, тянуло запахом какой-то кислятины, но этот запах заглушала ужасная вонь тухлой рыбы.

Ксантия свернула в узкий, мощенный булыжником переулок, который вел к лестнице. По ней можно было спуститься прямо к реке. У лестницы ее ждал

Гарет Ллойд, а внизу, на волнах, покачивался ялик. Лодка была новой и крепкой. На рукаве куртки лодочника красовалась медная бляха, свидетельствовавшая о том, что у него имелось разрешение на перевозку пассажиров.

Ксантия сразу же поняла, что Гарет хочет сопровождать ее.

– Уже поздно, – сказал он, – я отослал Бейкли на причал. Он должен выслать грузовую баржу к ставшему на якорь «Попутному ветру» и передать Стреттону, чтобы тот приготовил к завтрашнему дню рапорт о рейсе.

Ксантия была практичным человеком и не стала ссориться с Гаретом – решила, что будет лучше, если она явится в Вестминстер в сопровождении джентльмена. Это наверняка понравится Памеле.

– Вам не стоило утруждать себя, – сказала она, подавая ему руку.

– Какие пустяки... – пробормотал Ллойд, помогая ей спуститься с лестницы.

Они сели в ялик, и лодочник оттолкнулся веслом от берега.

Ксантия сосредоточенно разглядывала берег, стараясь не обращать внимания на сидевшего рядом с ней человека. Ей нравился вид на Лондон, открывшийся с реки. Это был не чопорный и элегантный мир Мейфэра и Белгрейвии, а живой, дышавший полной грудью мир коммерции и торговли, мир пакгаузов и контор, погрузочных кранов и грузовых судов. Тут на волнах покачивались лодки и постоянно между судами и берегом курсировали баржи, перевозившие грузы. Мужчины чувствовали себя в этом мире как рыба в воде, а женщина была здесь, конечно, чужеродным элементом – в этом Ллойд был прав.

Ксантия стремилась стать частью этого мира, но порой ощущала, что не вписывается в него. На территории доков, конечно же, были и другие женщины, но они в отличие от Ксантии не принадлежали к высшему классу общества. Это были хозяйки лавок, прачки, швеи, жены торговцев и вездесущие проститутки, наводнявшие все порты. Ксантия давно уже привыкла к ним. По ее мнению, Гарет был не прав, когда называл ее настоящей леди. Она не чувствовала себя светской дамой.

Добравшись до дома на Ганновер-стрит, Ксантия узнала, что леди Шарп еще не встала. Однако она заранее распорядилась, чтобы Ксантию провели к ней в комнату, и слуга попросил гостью следовать за ним.

Переступив порог просторной спальни, Ксантия увидела, что Памела, закутавшись в шерстяную шаль, лежит на длинном обитом бархатом диване. Рядом, на стуле, сидела ее дочь Луиза. Завитые локоны Луизы утратили свою первоначальную форму, а ее носик припух и покраснел.

– О боже мой, Памела... Луиза... – в растерянности пробормотала Ксантия, снимая перчатки. – Что случилось?

Луиза разрыдалась и, вскочив со стула, выбежала из комнаты. Памела же, криво усмехнувшись, проговорила:

– Не обращайтесь на нее внимания, моя дорогая. Девочке всего семнадцать. В этом возрасте все кажется трагедией.

Ксантия бросила перчатки на маленький столик у стены и села на стул.

– Но что у вас происходит? – Она взяла леди Шарп за руку. – У вас в доме сегодня все вверх дном. Слуги спуют бесшумно – как тени. А вы до сих пор в халате, хотя близится время ужина! Вы неважно себя чувствуете, я вижу это по вашим глазам.

Памела снова усмехнулась:

– Я действительно чувствую слабость, дорогая. Но это со временем пройдет. Я хочу сообщить вам одну потрясающую новость. Шарп был вне себя, когда узнал об этом.

Ксантия насторожилась:

– Говорите скорее, иначе я сойду с ума от волнения и беспокойства!

Памела положила ладонь себе на живот:

– Дело в том, что я жду ребенка.

Ксантия ахнула:

– Силы небесные! Вы в этом уверены?

Леди Шарп с улыбкой кивнула:

– Да, конечно. Вам не верится? Знаете, я страшно разволновалась и даже испугалась, когда это выяснилось.

Ксантию тоже немного испугала эта новость. Памеле было уже под сорок. За двадцать лет брака она раз шесть была беременна, но сумела выносить и родить лишь двоих детей – девочек. Они были, конечно, очаровательными, но супругам очень не хватало сына.

– А вы ведь рады за меня, правда, Ксантия? Давайте не будем думать ни о чем плохом. Главное, что я получила шанс подарить лорду Шарпу наследника! Я была бы счастлива, если бы родила наконец сына!

Ксантия улыбнулась и, наклонившись, поцеловала Памелу в щеку.

– Я в восторге от этой замечательной новости, – сказала она. – Мне не терпится сообщить ее Кирану. Он тоже будет искренне рад за вас. Но теперь, дорогая моя, вам надо проявлять осторожность. Надеюсь, вы это знаете.

– Конечно, знаю. – Леди Шарп помрачнела. – Сегодня утром здесь уже были акушерки и доктора. И все меня осматривали и ощупывали. В итоге они подтвердили то, о чем я уже догадывалась и на что надеялась, и дали свои рекомендации. В течение следующих шести месяцев я должна относиться к себе как к хрупкому хрустальному сосуду. Мне нельзя даже без посторонней помощи спускаться по лестнице! Но я готова идти на любые ограничения ради того, чтобы в конце концов родить Шарпу сына!

Внезапно перед мысленным взором Ксантии возникло заплаканное лицо дочери Памелы.

– Бедная Луиза! – не сдержавшись, воскликнула она.

На глаза леди Шарп навернулись слезы.

– Да, ей не позавидуешь, – согласилась она. – Луиза только начала выезжать в свет, а тут вдруг моя беременность... Как это не вовремя! Мы потратили целое состояние на ее новый гардероб. Луиза, конечно же, страшно расстроена. А я пробуду дома до конца сентября...

– Но нужно найти какой-то выход из этой ситуации. У Луизы есть отец, и он мог бы вывозить ее в свет.

– Нет, моей дочери нужна компаньонка, которая могла бы повсюду сопровождать ее, – решительно заявила Памела. – Эту роль могла бы, конечно, взять на себя Кристина, сестра Шарпа, но, между нами говоря, я не могу доверить ей свою дочь. Ни для кого не секрет, что она довольно эксцентричная особа. Здесь нужна более сдержанная и рассудительная дама.

– Боюсь, вы правы, – согласилась Ксантия.

Кристина Эмброуз вела себя порой неприлично. Она вешалась на шею Кирану. Он был не прочь закрутить с ней интрижку, но не относился всерьез к этой связи. Ксантия считала, что Кристина и Киран друг друга стоят. Да, леди Эмброуз явно не годилась на роль наставницы юной девушки.

Ксантия глубоко задумалась. И вдруг почувствовала, что пальцы Памелы мертвой хваткой вцепились в ее руку. Взглянув на леди Шарп, она увидела, что та смотрит на нее с мольбой.

– Ксантия, дорогая моя, я могу рассчитывать на вас?

У Ксантии перехватило дыхание.

– Рассчитывать на меня? – пробормотала она. – В каком смысле?

– Вы согласитесь вывозить Луизу в свет до конца этого сезона?

– Вы хотите сказать, что я должна сопровождать ее на балы, приемы, светские рауты? О, Памела, я понимаю ваше состояние, но боюсь, что не смогу выполнить вашу просьбу... Я плохо знаю свет, его законы и правила...

– О, я, конечно же, помогу вам. – Леди Шарп приподнялась. – Перед вами откроются двери лучших домов Лондона. По средам вы будете ездить в «Олмак» на великосветские балы.

Ксантия хмыкнула.

– Не говорите глупости, Памела. Мы не сможем попасть в «Олмак», потому что у нас нет абонеента. И вряд ли нам его предоставят.

Леди Шарп рассмеялась:

– О, Ротуэлла примут в любом собрании, дорогая моя. Его титул распахнет любые двери. А я, в свою очередь, поставлю в известность всех о том, что вы – компаньонка моей дочери. Поверьте мне, я обладаю некоторым влиянием. И потом, вы сами получите удовольствие от выездов в свет! О, дорогая моя, скажите, что вы согласны!

Ксантия колебалась. Она поклялась сделать все возможное, чтобы больше никогда не встретиться с мистером Нэшем. Если же она сейчас согласится выполнить просьбу Памелы, то непременно где-нибудь столкнется с этим человеком.

– Но я – незамужняя девица, – возразила Ксантия. – Вряд ли я смогу быть подходящей компаньонкой для вашей дочери.

– Вы – зрелая женщина, – заявила Памела. – К тому же наша родственница. Возможно, на эту роль подошла бы и Кристина, но Луиза постоянно с ней ссорится. А Киран с Шарпом будут иногда сопровождать вас. Не беспокойтесь, они не станут досаждать вам. В каждом доме найдется карточный стол, за которым эти двое с удовольствием проведут время, ни во что не вмешиваясь.

Ксантия тяжело вздохнула. Кирану не понравятся эти планы. Тем не менее он наверняка пойдет навстречу Памеле. Киран обожал леди Шарп.

– Мы, конечно же, будем рады помочь вам, – пробормотала Ксантия. – Но вы должны принять во внимание несколько важных обстоятельств.

Леди Шарп взглянула на нее вопросительно:

– О чем вы, дорогая?

Ксантия не решилась рассказать родственнице о встрече с мистером Нэшем. Поэтому завела речь о своей работе в компании:

– Вы же знаете, дорогая моя, что я управляю компанией морских перевозок.

– Конечно, мне это известно. Вы часто рассказываете о деятельности компании.

– Но вы не знаете того, что я очень много времени посвящаю работе. Я целые дни и даже вечера провожу в конторе.

Памела ненадолго задумалась.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнула она. – Вы – совладелица компании, вам принадлежит третья часть ее акций, и вы печетесь о своих интересах.

– На самом деле мне принадлежит всего двадцать пять процентов акций, – возразила Ксантия. – Еще двадцать пять у Кирана, и столько же унаследовала Мартиника после смерти Люка. Остальные двадцать пять процентов принадлежат нашему служащему Гарету Ллойд.

– Правда? – удивилась Памела. – Оказывается, он тоже совладелец компании? Я и не знала!

– Дело не в том, кто владеет компанией. Дело в том, кто ею управляет. Эти обязанности возложены на меня.

Леди Шарп закивала:

– Да-да, вы как-то упоминали об этом.

Ксантия взяла собеседницу за руку, она хотела, чтобы та внимательно выслушала ее.

– Поймите, Памела, я каждое утро сажусь в экипаж и еду в Ист-Энд. Весь день я сижу в конторе в окружении мужчин, сижу в небольшом мрачном доме, расположенном на грязной улочке Уэппинга, района, наводненного простолюдинами и подозрительными субъектами. И мне это нравится! А люди с изумлением смотрят на меня. Недавно неподалеку от доков какой-то мужчина плюнул в мою сторону. Большинство обитателей этого района не считают меня леди. И мне кажется, члены высшего лондонского общества согласились бы с этими простыми людьми.

– О, теперь я все понимаю... – Леди Шарп в растерянности заморгала. – Ваше положение можно сравнить с ситуацией, в которой когда-то находилась миссис Рейнолдс. Вы же знаете, она была хозяйкой магазина. Но сейчас она – леди Уординг!

– Да, но я никогда не стану леди Уординг или кем-нибудь в этом роде. Я до конца жизни останусь мисс Невилл. И меня никогда не будут уважать в обществе. Боюсь, что мое положение гораздо хуже, чем та ситуация, в которой находилась хозяйка магазина.

Памела надула губки и покачала головой.

– Вы вправе заниматься тем, чем хотите, – заявила она. – Если Киран позволяет вам это, никто не должен осуждать ваш выбор.

– Теоретически это так. Но если в обществе станет известно, чем я занимаюсь, – а это однажды обязательно станет известно, – то неизбежно возникнут сплетни. Высший свет обожает сплетни.

Леди Шарп похлопала родственницу по руке.

– О, если в обществе узнают о ваших занятиях, вас просто сочтут эксцентричной дамой, вот и все. С вашим обаянием и энергией... Поверьте, вы расположите к себе всех. Возможно, в Лондоне даже возникнет мода на подобную деятельность и дамы начнут открывать собственные компании. Я бы, к примеру, с удовольствием занялась производством шляпок. Интересно, как их шьют. Вы,

случайно, не знаете? В общем, не беспокойтесь, дорогая. Ваши занятия никак не помешают вам стать компаньонкой моей дочери.

Ксантия невольно улыбнулась. Ее родственница не имела никакого представления о том, что такое коммерция. Она до мозга костей была светской дамой, истинной леди.

– Ладно, Памела, хорошо. Но помните, что я предупредила вас.

– Отлично! Я обязательно приму ваши слова к сведению. А теперь, когда мы уладили все дела, приложите ладонь к моему животу и поздоровайтесь со своим новым родственником, будущим графом Шарпом.

Ксантия невольно улыбнулась.

– Вы думаете, что я что-нибудь почувствую? – спросила она. – Он уже двигается? Бьет ножками?

Памела засмеялась:

– Вы потрясающе наивное создание, моя дорогая! Конечно же, пока вы ничего не почувствуете. Пройдет несколько недель, прежде чем ребенок начнет шевелиться в моем чреве. Но все равно он уже здесь. Хотите, я сообщу вам, когда он начнет бить ножками?

Ксантия вдруг смутилась. Странно, но она испытывала сейчас что-то вроде зависти.

– Да, хочу, – кивнула она. – Для меня зачатие и рождение ребенка – удивительное, совершенно непостижимое событие.

– Вы должны в ближайшем будущем завести собственных детей, – заявила Памела. – Время бежит незаметно. Сколько вам сейчас? Двадцать семь?

Ксантия еще больше смутилась.

– Нет, через несколько месяцев исполнится тридцать. И у меня есть один крупный недостаток, я не замужем. А чтобы иметь детей, как известно, нужен муж.

Леди Шарп расплылась в улыбке.

– В таком случае вы становитесь одной из участниц ярмарки невест! – воскликнула она. – Луиза постарается найти для вас подходящего джентльмена. А вы, в свою очередь, будете искать жениха для нее!

Ксантия покачала головой:

– Я не собираюсь выходить замуж.

– Но почему? Это естественный шаг для любой девушки!

Ксантия отвела взгляд.

– Понимаете, – она тщательно подбирала слова, – джентльмены обычно подыскивают себе в жены молоденьких наивных девушек. Кроме того, меня беспокоит судьба компании. Если я выйду замуж, моя доля акций перейдет в собственность мужа. И даже если он не тронет их, то все равно вряд ли разрешит мне управлять компанией. Ни один муж не согласится, чтобы его жена работала день и ночь.

– О господи, да возложите вы обязанности по управлению компанией на Кирана, и дело с концом! – воскликнула Памела. – Чем ему еще заниматься? Он распродал все свои плантации, а поместья сдал в аренду. Пусть это останется между нами, дорогая, но Шарп утверждает, что если Киран не образумится в ближайшее время и не займется полезным делом, то его скоро сгубит вино и разврат.

Ксантия нахмурилась.

– Киран ничего не понимает, да и не желает понимать в морских перевозках, – сказала она. – Он продаст компанию первому, кто предложит за нее хорошие деньги.

– Да, верно. Точно так же он поступил со своей собственностью на Барбадосе.

– Нет, он не продал свою землю на Барбадосе, – возразила Ксантия. – Он сдал ее в аренду тем, кто долгие годы работал на ней. И я считаю, что Киран правильно поступил. Тот, кто жил на островах Вест-Индии, прекрасно поймет нас. Слава богу, времена рабства миновали.

– Да, рабство – это ужасно, но не думаете ли вы, что...

Тут раздался звонок в дверь, и вскоре в комнату вошла горничная.

– Пришла девушка от мадам Клодетт, мэм, – доложила она. – Эта девушка доставила новые наряды для леди Луизы. Не желаете ли, чтобы леди Луиза их примерила?

Памела и Ксантия переглянулись. Обеим было ясно, что разговоры о рабстве пора прекратить. Настало время перейти к тому, что живо волновало всех светских дам, – к обсуждению бальных нарядов.

Глава 3. Неприятный разговор в Мейфэре

Услышав стук в дверь, барон Ротуэлл, находившийся в дурном расположении духа, досадливо поморщился. Он уже несколько часов сидел за бутылкой бренди в кабинете своего дома на Беркли-сквер и не желал отрываться от своего занятия.

Ротуэлл принадлежал к людям, свято верившим в то, что тишина – единственный настоящий друг, который никогда не предаст. У него было немного приятелей, но даже с ними он почти не поддерживал отношений. Барон терпеть не мог пустой болтовни, а любое общение, по его мнению, как раз и сводилось к ней.

Поднявшись на ноги, он подошел к буфету и налил себе очередную порцию бренди. Барон утешал себя тем, что в Лондоне не было ни одного человека, который мог бы нанести ему сегодня визит. Он, Ротуэлл, во всяком случае,

никого к себе не приглашал. Каково же было его удивление, когда недавно нанятый им слуга доложил о приходе незваного гостя и с поклоном подал ему визитную карточку. Имя гостя ничего не говорило барону.

– Меня нет дома, – буркнул он.

Слуге от его слов явно стало не по себе.

– Простите, милорд, но мне кажется, что этот человек намерен ждать до тех пор, пока вы его не примете, – пробормотал он. – Это же маркиз Нэш, его ничто не остановит.

Ротуэлл нахмурился.

– А кто такой этот Нэш? – проворчал он.

– Этот джентльмен привык добиваться своего, милорд, сметая все препятствия.

Ротуэллом овладело любопытство.

– Что ж, хорошо, – кивнул он. – Приведи сюда этого парня.

Натуралисты утверждают, что два встретившихся в дикой природе хищника начинают ходить кругами, стараясь по запаху определить тот момент, когда противник даст слабину и будет готов уступить. Ротуэлл не привык уступать и ошетинился сразу же, как только визитер переступил порог его кабинета.

Нэш был строен и элегантен, и каждое его движение свидетельствовало о силе характера и неуступчивости. Его иссиня-черные волосы серебрились на висках. Он держал перекинутый через руку дорожный плащ и, судя по всему, не намерен был надолго задерживаться в доме Ротуэлла.

– Добрый вечер, лорд Ротуэлл. – Гость устремил на барона холодный взгляд темных, как вулканическое стекло, глаз. – Благодарю за то, что вы любезно согласились принять меня.

Глаза цвета обсидиана, дорогая одежда, легкий акцент, свидетельствующий о том, что Нэш не был англичанином, – все это заинтриговало Ротуэлла. Он указал рукой на стул:

– Садитесь. Чем могу быть вам полезен?

Нэш пододвинул стул ближе к письменному столу.

– Я приехал к вам по личному делу.

– Черт побери, понятия не имею, какое у вас может быть ко мне дело, – проворчал Ротуэлл. – Я вас впервые вижу.

Нэш едва заметно улыбнулся.

– Нас действительно официально не представляли друг другу, но мы могли встречаться на балах. Во всяком случае, я имел честь видеть вчера вечером в доме Шарпов вашу сестру. Мисс Ксантия Невилл – ваша сестра, не правда ли?

«Этот человек похож на волка, – промелькнуло у Ротуэлла. – У него хищный взгляд».

– Я не помню вас, – ответил он. – Что же касается мисс Невилл, то она действительно моя сестра. А в чем, собственно, дело?

– Насколько я понимаю, вы – ее опекун, – вкрадчивым голосом продолжал Нэш. – Дело в том, что я хочу попросить у вас разрешения ухаживать за ней.

– Что?! Что вы сказали?

– Я хотел бы ухаживать за мисс Невилл. – Теперь его голос был уже не вкрадчивым, скорее – зловещим. – Но мне нужно получить ваше разрешение.

– Вы собираетесь ухаживать за моей сестрой? – пытаюсь скрыть свою растерянность и изумление, переспросил Ротуэлл.

– Именно так. И я почему-то уверен, что вы дадите свое согласие.

Оправившись от изумления, барон грозно нахмурился.

– Вы зря в этом уверены! – рявкнул он. – С чего это я должен давать вам свое согласие? Моя сестра – удивительная, редкая женщина. И насколько я знаю, ей не нужен муж. Она не желает выходить замуж! Кроме того, вы должны были просить разрешение не у меня, а у нее самой. Если вы обращаетесь ко мне, то, значит, плохо знаете Ксантию.

– Понятно. Ваша сестра считает, что женщина должна быть независима и самостоятельна. Замечательно!

– Она не просто придерживается такого мнения, – заявил Ротуэлл. – Ксантия живет по этому принципу. Она независимая, упрямая, властная. И ее не переделать! Кстати, Нэш, вы знаете, что скоро ей исполнится тридцать? Поверьте мне, она не похожа на других женщин. Вы хоть понимаете, о чем просите?

– Да, конечно. Я прошу у вас разрешения ухаживать за вашей сестрой.

– Но зачем это вам?

– Простите...

– Почему именно Ксантия? Если вы задумали жениться, то выберите в жены молоденькую покладистую девушку. С такой супругой ваша семейная жизнь будет намного приятнее, уж поверьте мне.

Нэшу стало немного не по себе после этих слов хозяина.

– Мисс Невилл любит командовать? – спросил он осторожно.

– Да, любит. И у нее это неплохо получается. А если хотите начистоту, то я с уверенностью заявляю и готов побиться об заклад, поставив десять против одного, что она отвергнет любого мужчину... по крайней мере из тех, которых я знаю.

Нэш был озадачен. Он не ожидал такого жесткого отпора. Ротуэлл же вдруг насторожился и, окинув гостя подозрительным взглядом, проговорил:

– Честно говоря, мне известна только одна причина, которая могла заставить вас заинтересоваться моей сестрой. Но если я ее сейчас назову, вам это вряд ли понравится.

– Говорите прямо, Ротуэлл, – потребовал Нэш.

– Речь идет о состоянии Ксантии. Вы, несомненно, знаете, что моя сестра – богатая женщина. Но не тешьте себя иллюзиями, Нэш, она никогда не уступит мужу и даже после свадьбы будет делать то, что ей заблагорассудится.

Смущение на лице маркиза сменилось высокомерной усмешкой.

– Вы хотите сказать, что я – охотник за приданым? Если так, то вы ошибаетесь, Ротуэлл.

Барон ненадолго задумался, потом сказал:

– В таком случае прошу прощения. Но мне кажется, что Ксантия не та женщина, которая может вскружить мужчине голову... Хотя, конечно, она довольно мила. Однако ее характер может отпугнуть любого. Именно поэтому я и высказал предположение о корыстной подоплеке...

Казалось, Нэш снова смутился. Немного помолчав, пробормотал:

– Вероятно, у меня сложилось неправильное мнение о мисс Невилл. Теперь я начинаю понимать, что из нее не выйдет идеальной жены.

Ротуэлл невольно рассмеялся.

– Для человека, который будет подходить ей по всем статьям, Ксантия станет замечательной женой. Но я почему-то уверен, что вы не являетесь тем мужчиной, который ей нужен. Не думаю, что такая умная и очаровательная женщина, как Ксантия, согласится стать женой человека, который ее не любит,

который не достоин ее.

Нэш пронзил барона взглядом своих черных глаз.

– Вы говорите так, как будто у вас есть кто-то на примете. Я не ошибся?

Ротуэлл медлил с ответом.

– Не скрою, моей сестре сделали предложение, – сказал он наконец. – И на днях будет решаться вопрос о свадьбе.

– Понятно. – По лицу Нэша пробежала тень, его глаза затуманились. – Примите мои извинения, лорд Ротуэлл. Я причинил вам беспокойство в весьма неподходящее время и...

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет, словно ураган, ворвалась дама с кожаным портфелем под мышкой.

– Киран, у меня потрясающие новости! – воскликнула она. – «Попутный ветер» прибыл на несколько недель раньше графика, и теперь мы можем... – Ксантия осеклась, увидев вставшего при ее появлении гостя. – О господи, простите...

Она попятилась к двери, намереваясь выскользнуть в коридор, но Ротуэлл остановил ее:

– Куда ты направилась, моя дорогая? Разве ты не видишь, что у нас гости? Неужели ты хочешь уйти, так и не поздоровавшись с нашим новым другом лордом Нэшем? Я полагаю, ты знакома с ним.

Ксантия густо покраснела.

– Лорд Нэш? – пробормотала она. – Я... я не знаю... не уверена... То есть я хочу сказать, что не понимаю, зачем он здесь...

Барон впервые видел сестру в таком замешательстве. Обычно она в карман за словом не лезла, а тут вдруг так растерялась, что двух слов не могла связать. Он внимательно вглядывался в ее лицо, стараясь понять, какие чувства она

испытывала. Может быть, гость внушал ей страх? Нет, Ксантия не боялась маркиза – просто ужасно смутилась.

– Ваши личные дела меня не касаются, – с досадой проговорил Ротуэлл. – Улаживайте их сами.

– Киран, о чем ты? Какие дела могут быть у меня с этим человеком? – Ксантия искоса посматривала на маркиза.

– Понятия не имею. – Ротуэлл пожал плечами и потянулся к своему бокалу с бренди. – Разбирайтесь сами.

Прихватив с собой и бутылку – впереди была длинная ночь, – барон направился к двери.

– Добрый вечер, мисс Невилл, – сказал Нэш, когда дверь за Ротуэллом закрылась. – Вот мы и встретились.

Ксантия нахмурилась:

– Лорд Нэш, не так ли?

– Умоляю вас, не делайте вид, что вы меня не знаете.

– Я действительно не знаю вас, – чеканя каждое слово, заявила Ксантия. – Что вы здесь делаете? Как вы меня нашли?

– После нашей встречи на террасе я постоянно думал о вас, дорогая моя. Поэтому я навел кое-какие справки и был немало обеспокоен тем, что узнал.

Ксантия в гневе воскликнула:

– Как вы посмели?! Почему вы отслеживаете меня, как хищник свою добычу?! Я прошу прощения, сэр, за то, что произошло вчера вечером, и я надеюсь, что вы сделаете то же самое. Как бы то ни было, но на вашем месте любой джентльмен, которого внезапно покинула леди при подобных обстоятельствах, должен был бы прийти к определенным выводам.

– К каким же это? Я пришел только к одному-единственному.

– И тем не менее вы начали преследовать меня. Вы нарушили покой моего дома своим бесцеремонным вторжением! Это непорядочно, сэр.

Нэш внимательно смотрел на Ксантию. И даже сейчас, в гневе, она была необыкновенно привлекательна – он чувствовал ее очарование. Эта женщина с темно-каштановыми волосами, изящным носом и широко поставленными глазами, сейчас с вызовом смотревшими на него, была удивительно хороша собой.

– Вы должны простить меня, мисс Невилл, – сказал наконец Нэш. – Я неправильно оценил ситуацию.

– Совершенно верно, – кивнула Ксантия. – Но зачем вы явились к моему брату? Что взбрело вам в голову?

– Я решил, что должен отправиться в логово льва. Я не из тех, кто покорно ждет, когда возникнут неприятности. Мне хотелось выяснить, откуда ветер дует.

– Вы сами-то поняли, что сказали? Бред какой-то!..

– Да, вы правы, все это глупо, – признал маркиз.

– Я хочу, чтобы вы держались подальше от моего брата, – заявила Ксантия. – Ротуэлл вас проглотит и не подавится. С такими денди, как вы, он быстро расправляется. Не нужно раздражать его, лорд Нэш.

– Прошу прощения, мисс Невилл, вы назвали меня «денди»?

Ксантия вспыхнула до корней волос.

– Да, я хотела сказать, что вы щеголь, богатый ловелас и нарцисс. – Она немного помолчала, поджав губы, потом снова заговорила: – Простите, я не хотела обидеть вас, я просто пытаюсь донести до вас мысль о том, что не надо досаждать моему брату. Не надо настраивать его против себя, – добавила

Ксантия.

Нэш приблизился к ней и взял ее за руку.

– А если бы я рассказал ему о том, чем мы занимались на террасе дома Шарпов, это настроило бы его против меня?

– О боже... Надеюсь, у вас хватило ума не говорить ему об этом.

Все еще держа Ксантию за руку, Нэш внимательно посмотрел в ее глаза, полыхавшие синим огнем.

– Нет, я ему ничего не сказал, – проговорил он в задумчивости. – Но предположим, я поведал бы ему о вчерашних событиях. Скажите, мисс Невилл, как бы отреагировал ваш брат на эту новость?

Ксантия рывком высвободила руку и отпрянула от Нэша.

– Не знаю. Возможно, никак. А может, застрелил бы вас на месте. У Ротуэлла сложный характер, в этом-то все и дело. Никогда не знаешь, как он поступит. Прошу вас по-хорошему, лорд Нэш, держитесь подальше от меня и от моего брата. Тем самым вы избавите нас всех от множества бед.

Нэш снова приблизился к Ксантии, пытаясь отрезать ей путь к бегству. Он не желал отпускать ее.

– Скажите, мисс Невилл, почему вы поцеловали меня вчера вечером? – спросил он. – И что вы делали одна на террасе дома? Эти вопросы не дают мне покоя.

– Англия – свободная страна, – ответила Ксантия. – Я вышла подышать свежим воздухом.

– Но вы – незамужняя женщина, – возразил Нэш. – Правила приличия требуют, чтобы...

– Не тратьте лишних слов, – перебила его Ксантия. – Я не желаю выслушивать лекции о правилах хорошего тона, принятых в английском обществе. Да, я не

замужем, сэр, но это не значит, что у меня нет своей головы на плечах. Если я захочу подышать свежим воздухом, я выйду из помещения, что бы там ни говорили светские моралисты.

Уголки губ Нэша дрогнули – он улыбнулся.

– По-видимому, это конец нашей дискуссии, – сказал он, взяв свой плащ. – Вы само очарование, мисс Невилл. Я был бы рад, если бы вы оказались жаждущей любви вдовой или даже чужой женой, желающей завести интрижку. Но вам не нужны мужчины, не так ли? Мне очень жаль. Я обречен на страдания.

– О, ради бога, лорд Нэш... – в растерянности пробормотала Ксантия. – Я не хочу, чтобы кто-то мучился.

– Увы, но есть только один способ избежать страданий. Однако о нем не может быть и речи. Спасибо, моя дорогая, за вечер... Вернее – за два замечательных вечера.

Повернувшись к двери, Нэш услышал вырвавшийся у Ксантии вздох облегчения. Но когда он уже собирался направиться к выходу, она остановила его, тронув за рукав:

– Подождите, лорд Нэш. Я хотела бы все же узнать, к какому именно выводу вы пришли?

– Простите, я вас не понял.

– Ну... вы сами сказали, что после нашей встречи на террасе вы пришли к одному-единственному выводу. Мне почему-то кажется, что он неправильный.

– Ах, это?! – Нэш усмехнулся. – Узнав, что вы не замужем, я решил, что вы следили за мной на балу. А когда я оказался один на террасе, попытались завлечь меня в ловушку.

– Завлечь вас в ловушку? – с недоумением переспросила Ксантия. – О господи, ваши подозрения оскорбительны!

Маркиз пожал плечами:

– Мужчине в моем положении постоянно грозит опасность оказаться в ловушке.

Ксантия бросила на него негодующий взгляд:

– Вы себе льстите, лорд Нэш. Если бы я была мужчиной, я бы немедленно вызвала вас на дуэль за подобное оскорбление.

– Мне почему-то кажется, что вы неплохо стреляете.

– Да, верно. Но я давно уже не брала в руки пистолет. Знаете, я не стала бы целиться вам в сердце, а выстрелила бы в живот, чтобы вы умирали долго и мучительно.

Нэш невольно содрогнулся.

– В таком случае вы избавили бы меня от более печальной участи, – сказал он, поклонившись. – Вы редкая красавица, моя дорогая, но я считаю, что не стоит принимать из-за вас смерть – ни медленную, ни мгновенную. Всего хорошего, мисс Невилл. Желаю вам долгой счастливой жизни без мужа и любовника.

Ксантия взглянула на него вопросительно. Уж не издевается ли он над ней? Но Нэш, казалось, был очень огорчен. Он, по-видимому, искренне сожалел о том, что не нашел с ней общего языка. Когда гость взялся за ручку двери, Ксантия снова его остановила.

– Ответьте мне, пожалуйста, на последний вопрос, – попросила она.

Нэш с надменным видом посмотрел на нее сверху вниз:

– Только при условии, что вы не будете угрожать мне.

Заметив, что он едва сдерживает ухмылку, Ксантия пропустила его слова мимо ушей.

– Скажите, лорд Нэш... – Она провела кончиком языка по пересохшим от волнения губам. – Скажите, вы могли бы вычеркнуть из памяти то, что произошло между нами вчера вечером?

Брови маркиза поползли вверх.

– Никогда! – воскликнул он, покачав головой. – Я всегда буду помнить о ваших чувственных губах. Буду помнить каждое прикосновение к вашему восхитительному телу, жар вашей влажной...

– Я не говорю, что вы должны обо всем этом забыть, – поспешно перебила Ксантия. – Я просто хотела попросить вас никогда не упоминать о нашей встрече.

– Понятно, – кивнул Нэш, окинув ее взглядом с головы до ног. – Но надеюсь, вы не будете возражать, если я порой позволю себе немного пофантазировать, вспоминая подробности нашей встречи. В Лондоне такие холодные и одинокие ночи...

– Прошу вас, прекратите! – взмолилась Ксантия, чувствуя, что снова краснеет. – Я вела себя неразумно и теперь не желаю об этом вспоминать!

– Но что я могу поделать? Я не в силах забыть нашу встречу. – Его вкрадчивый голос обволакивал ее, словно нежный бархат. – Вы так внезапно убежали, оставив меня в полной растерянности, мисс Невилл. Но я надеялся, что наша встреча будет иметь продолжение.

– Выбросьте это из головы, лорд Нэш. Дело в том, что в ближайшее время мне придется часто бывать в обществе, и я прошу вас никому не рассказывать о том, что произошло между нами вчера вечером.

Нэш взглянул на нее с удивлением:

– За кого вы меня принимаете, мисс Невилл?!

Ксантия закусила губу и окинула гостя оценивающим взглядом.

– Мне очень хочется, чтобы вы оказались джентльменом.

– Я и есть джентльмен, не сомневайтесь, – заверил ее Нэш. – Я даже под пытками инквизиции ни слова не скажу о нас с вами. Драгоценные воспоминания о нашей встрече навсегда останутся со мной.

Ксантия отвела взгляд.

– Спасибо, – промолвила она. – Ваше молчание нужно не столько мне, сколько другим людям.

Он вдруг взял ее за подбородок и заглянул ей в глаза. Ксантия была поражена тем, что он прикоснулся к ней.

– И что же это за люди? – спросил маркиз.

Она потупила взор, и он убрал руку.

– Это лорд и леди Шарп. Я буду сопровождать их дочь, леди Луизу, до конца этого сезона в свет. Мы будем посещать балы в «Олмаке». Здоровье леди Шарп, к сожалению, пошатнулось, и она не сможет сама вывозить Луизу в свет.

– О боже! Неужели вы действительно будете ездить в «Олмак»?! – воскликнул Нэш, его глаза искрились смехом.

– Вам смешно, а у меня нет другого выхода. Поверьте, я с большим удовольствием занялась бы своими делами, но мне придется ездить на балы и общаться с аристократами.

Нэш посмотрел на нее в задумчивости.

– В таком случае мы с вами еще встретимся. Так распорядилась судьба, мисс Невилл.

– О, я очень сомневаюсь в том, что наши пути пересекутся, – возразила Ксантия, усмехнувшись. – Вы не похожи на человека, которого можно встретить в залах «Олмака». Держу пари, что распорядители балов вас даже на порог не пустят.

Маркиз пожал плечами:

– Кто знает, мисс Невилл... Так на что же вы готовы держать пари?

Ксантия рассмеялась:

– На двадцать фунтов!

Нэш тоже засмеялся:

– Замечательно, мисс Невилл. Но чтобы разбудить во мне азарт, этого мало. Многие мужчины, переступив порог «Олмака», лишались куда более ценных вещей, чем деньги.

– Каких именно?

– Холостяцкой жизни, – ответил он. – Желаю вам приятно провести этот вечер, моя дорогая. До встречи! Не надо меня провожать, я сам найду выход.

Буря эмоций еще долго не утихала в душе Ксантии. Принимая ванну и переодеваясь к ужину, она думала о Нэше. Его появление в кабинете брата стало для нее полной неожиданностью. Ксантию поразило то, как уверенно держался лорд Нэш. За суетой рабочего дня и заботами о здоровье Памелы она уже начала забывать о своем вчерашнем приключении на балу, но гость напомнил ей о нем.

Впрочем, она никогда не забыла бы этого человека, даже если бы больше ни разу не встретила с ним. Стоя перед зеркалом и вдевая вторую серьгу в мочку уха, Ксантия думала о Нэше. В ее душе вдруг шевельнулось сожаление о том, что она не отважилась завести с ним роман. Она помнила каждое его прикосновение, каждую ласку. Сегодня Ксантия хорошо разглядела его и убедилась, что Нэш – очень обаятельный джентльмен. Конечно, он не был красавцем, но его вполне можно было назвать воплощением элегантности. Высокий, стройный, темноволосый, Нэш походил на дикого кота, бродящего по лесу, залитому светом луны. У Ксантии невольно возникало желание получше узнать этого человека. В нем таилась какая-то загадка. Сегодня длинные

иссиня-черные волосы лорда Нэша были зачесаны назад, словно львиная грива. Его плащ из мягкой шерсти, несмотря на некоторую старомодность, выглядел элегантно, как и вся его одежда. А покрой темно-серого сюртука подчеркивал широкий разворот его плеч.

Лицо Нэша с четкими резкими чертами поражало своей суровостью и величием. Вчера вечером она не могла рассмотреть его как следует, а вот сегодня... Особое впечатление производили его глаза цвета обсидиана. Они казались чуть раскосыми, и это скорее всего свидетельствовало о том, что среди предков Нэша были азиаты.

Все это интриговало Ксантию, будило в ее душе любопытство. А что, если бы она не убежала с террасы вчера вечером? Что было бы, если бы она назвала ему свое имя и приняла его дерзкое предложение поехать к нему домой?

Но Ксантия тут же одернула себя. Лорд Нэш наверняка отверг бы ее, узнав, что она не замужем. Судя по всему, он уже обжигался, сталкиваясь с незамужними девицами.

Ксантия вздохнула и посмотрела в глаза своему отражению. «Забудь его, – сказала она себе. – У тебя никогда не будет отношений ни с ним, ни с кем-нибудь другим». Хотя, конечно, она могла бы возобновить свой роман с Гаретом. Однако он хотел от нее слишком многого.

К Гарету она когда-то испытывала подлинную страсть, но теперь их связывала лишь искренняя дружба. Ксантия понимала, что женщина, выйдя замуж, становилась собственностью мужа. Гарет, конечно, не стал бы смещать ее с поста управляющего компанией, но Ксантию возмущал сам факт того, что он имел законное право это сделать. Она не хотела давать ему такую власть над собой. Она любила Гарета, но не до такой степени, чтобы жертвовать своими интересами.

В столовой, за ужином, Киран и Ксантия просматривали почту. Киран поделился с сестрой новостями, которые узнал из письма, пришедшего от соседа по плантации с Барбадоса. А затем зачитал выдержки из другого письма, написанного одним из арендаторов. Тот ставил вопрос о совместном пользовании водоемом. Впрочем, все это была самая обычная корреспонденция, и особого интереса она не представляла.

– Что с тобой, Ксантия? – спросил вдруг Киран, внимательно посмотрев на нее.

Она натянуто улыбнулась:

– Просто задумалась.

Барон жестом приказал слугам налить ему еще вина, а потом распорядился, чтобы они удалились из столовой. Ксантия знала, что сейчас начнутся неприятные вопросы, но она не боялась брата. Ксантия прекрасно его понимала. Он руководствовался чувством долга, которое, правда, понимал по-своему. Титул, богатство и связанные с ними обязанности свалились на барона Ротуэлла совершенно неожиданно. Он не был готов к роли главы семьи и справлялся с ней как умел.

Безвременная кончина старшего брата повергла их в глубокую скорбь. Киран и Ксантия почувствовали, что осиротели. Они привыкли, что их всегда было трое и что они все вместе преодолевали жизненные трудности. Смерть Люка еще больше сблизила Ксантию и Кирана. И теперь она прощала брату его ворчание, а порой и неуместные выходки.

Барон какое-то время молча смотрел в бокал с вином, который держал в руке. Наконец заговорил:

– Я хочу, чтобы ты все рассказала мне об этом Нэше, дорогая моя. Насколько я понимаю, ты познакомилась с ним на балу у Памелы.

Ксантия потупила взор.

– Мы почти не общались. Это было мимолетное знакомство.

– Тем не менее тебе удалось произвести на него впечатление, – заметил Киран. – Надеюсь, ты понимаешь, что навеки разобьешь сердце Гарета, если выйдешь замуж за этого парня?

Ксантия замерла с вилок в руке.

– Прости, что ты сказал?

Барон нахмурился:

– Я сказал: если ты выйдешь замуж за Нэша!

Глаза Ксантии округлились.

– С чего ты взял, что я могу выйти за него замуж?

– Но он же попросил у меня разрешения ухаживать за тобой. Что еще я мог подумать? А разве он не сказал тебе о цели своего визита?

Ксантия покачала головой.

– Нет, не сказал... – пробормотала она.

– Ну и ладно. – Киран взял нож и отрезал кусочек жареного цыпленка. – Он, наверное, отказался от этой затеи.

– Ты пошутил, Киран? Признайся, что это была шутка...

– Нет, дорогая, не шутка. Нэш действительно просил у меня разрешения ухаживать за тобой. Но я остудил его пыл, предложив взять в жены кого-нибудь помоложе. Кроме того, выяснилось, что этот парень совершенно ничего не знает о тебе, поэтому... – Киран внезапно осекся. – Надеюсь, дорогая моя, что я поступил правильно. Тебе же не нужен этот лорд Тьмы и Опасности?

Ксантия решительно покачала головой:

– Конечно, нет.

Она была в полном замешательстве – не знала, что и думать. «А может, Нэш сошел с ума? – промелькнуло у нее. – Может быть, он решил, что одним поцелуем обесчестил девушку и теперь, как истинный джентльмен, должен жениться на ней?» У Ксантии голова шла кругом от этих мыслей.

Ах, зачем она обманывает себя? Ведь вчера дело не ограничилось одним лишь поцелуем. Ксантия в ужасе закрыла глаза. Господи, ей не следует вспоминать во всех подробностях о том, что произошло на террасе!

Если бы на ее месте оказалась, например, Луиза, лорд Шарп собственными руками задушил бы Нэша за бесчестие дочери! И все признали бы, что он поступил правильно, потому что леди Луиза – невинная девушка. Но в отличие от нее Ксантия не была невинна. Хорошо, что Нэш этого не заметил. Решив, что она – девица, он испугался, почуяв опасность. Нэш боялся, что его заманят в ловушку и заставят жениться... Да, но почему же он тогда явился к Кирану с просьбой разрешить ему ухаживать за ней?

Ксантия совершенно запуталась. Киран же тем временем внимательно наблюдал за сестрой.

– Лорд Тьмы и Опасности... – пробормотала она. – Почему ты так назвал его?

– Я почувствовал, что от него исходит угроза, – прожевав кусочек цыпленка, ответил Киран. – И он не англичанин. Во всяком случае, английский – не его родной язык. Ты это заметила?

Глаза Ксантии расширились.

– Должно быть, ты прав. Я так долго общалась с моряками, что перестала обращать внимание на акцент.

– Но дело вовсе не в том, что он чужеземец, – продолжал Киран. – Мне не нравится его наглость. Нужно расспросить Шарпа об этом человеке.

– О, умоляю тебя, не делай этого! – воскликнула Ксантия. – Я запрещаю тебе говорить с Шарпами о Нэше.

– Запрещаешь? Что ж, как тебе будет угодно. – Барон пожал плечами. – В конце концов, это твоя свадьба.

– Какая свадьба?! – возмутилась Ксантия. – Не будет никакой свадьбы!

– Кстати, дорогая моя, ты так и не ответила на вопрос о Гарете, – напомнил Киран. – Надеюсь, ты не забыла, что он до сих пор является нашим близким другом. Он нам обоим – почти родственник.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что ты не должна обижать его. Если ты не собираешься связывать с ним свою судьбу, то скажи ему об этом прямо.

– Я уже говорила ему об этом прямо! И не один раз. Я в течение пяти лет твержу ему одно и то же. Давай не будем больше говорить о Гарете. У нас есть более важные темы для обсуждения.

– Что же, я весь внимание, дорогая. Что ты хочешь со мной обсудить? – Барон явно был рад, что они закончили этот разговор. – Но только, ради бога, не надо надоедать мне разговорами о компании. Знаешь, мне гораздо приятнее читать налоговые ведомости, чем говорить о морских перевозках.

Ксантия с упреком взглянула на брата.

– Я хотела поговорить с тобой о Памеле. И прошу тебя, Киран, выслушай меня до конца. Это очень важно.

На время забыв о Нэше, Ксантия заговорила о леди Шарп. Полчаса она уговаривала брата помочь Памеле и ей, и наконец Киран согласился оказывать им содействие. Правда, барон плохо знал английское высшее общество. Оставив свои мельницы и плантации и переселившись в Лондон, он почти ничем здесь не интересовался.

Брат и сестра закончили ужин в полном молчании. Время от времени Ксантия бросала на Кирана тревожные взгляды. Бо?льшую часть дня барон проводил за чтением и бутылкой бренди, а по вечерам отправлялся в «Ковент-Гарден». Клубы и всевозможные собрания он почти никогда не посещал и предпочитал общество подонков, шулеров и легкомысленных женщин. Поэтому даже его случайная связь с миссис Эмброуз вызывала у Ксантии радость и облегчение.

Ксантия искренне любила брата. Много лет они втроем преодолевали трудности и во всем помогали друг другу. И множество раз старшие братья Ксантии, Люк и Киран, брали ее вину на себя, спасая сестру от гнева свирепого дяди, а позже прятали ее от его пьяных дружков. Кирану доставалось больше других, так как у него и в юности был дерзкий, необузданный нрав. В отличие от порывистого, вспыльчивого Кирана Люк был весьма дипломатичным человеком.

Ксантия не знала, что будет дальше с ее любимым братом. Памела считала, что он плохо кончит, и Ксантия боялась, что она окажется права. Ей хотелось привлечь Кирана к работе в компании, хотя они с Гаретом и так прекрасно справлялись. Кроме того, она уговаривала брата не возобновлять договор о сдаче в аренду огромного поместья в Чешире – надеялась, что Киран переедет туда из полного соблазнов города и займется сельским хозяйством. Однако барон заявил, что не желает жить в провинциальной глуши среди овец и пастбищ.

После ужина Ксантия хотела заняться делом. Ей нужно было просмотреть кое-какие документы, которые она захватила с собой из конторы. Это были подозрительно большие счета, выписанные поставщиками провизии, снабдившими продуктами питания шесть судов компании. Ксантия пока не хотела их оплачивать. Ей нужно было сравнить эти счета с записями в инвентарных судовых книгах, где фиксировалось фактическое количество провизии, полученное моряками. Кроме того, в пачке документов были страховые полисы и предложение от неплатежеспособного конкурента купить у него три обветшалых грузовых судна по сходной цене. Но прежде чем приобрести суда, Ксантия собиралась произвести кое-какие подсчеты, касающиеся рентабельности и стоимости ремонта.

– Я вижу, ты опять задумалась, – раздался рядом тихий голос брата.

Ксантия подняла глаза и увидела, что слуги уже подали портвейн. Взяв графин, Киран наполнил себе бокал.

– Ох, прости, я задумалась о делах.

Барон усмехнулся.

– Ты, как всегда, мысленно находишься в Уэппинге, – проворчал он.

– Боюсь, что так оно и есть, – сказала Ксантия, отодвигая стул. Увидев, что она встает, слуга бросился к ней, чтобы помочь. – Мне нужно просмотреть кое-какие бумаги. Ты куда-нибудь поедешь сегодня вечером?

Киран улыбнулся и залпом выпил бокал портвейна.

– Да, поеду, – ответил он.

– В таком случае – до завтра.

– Спокойной ночи, Ксантия.

Она порывисто наклонилась и чмокнула брата в щеку.

– Береги себя, Киран. Обещай, что будешь осторожен!

Он бросил на сестру такой взгляд, словно собирался накричать на нее, по своему обыкновению, но в последний момент сдержался.

– Все будет хорошо. Не беспокойся, я буду осторожен.

Надвигалась ночь. На Парк-лейн было безлюдно, и по улице лишь изредка проезжали экипажи. Агнес, горничная второго этажа, прошла по всем комнатам, методично задерживая шторы на окнах и выметая камин. В просторной библиотеке лорда Нэша она замешкалась. От раскаленных углей в камине исходил красноватый свет, бросавший призрачные отблески на стены. Горничная аккуратно задернула тяжелые бархатные шторы с помощью длинного медного шеста, затем осмотрелась.

– Спасибо, Агнес, – послышался откуда-то из тени голос маркиза, и горничная едва не вскрикнула от неожиданности. – Спасибо, Агнес, – повторил лорд Нэш. – Вы можете идти.

Служанка сделала книксен.

– Прошу прощения, милорд, – пробормотала она. – Я вас не заметила. Может быть, вы желаете, чтобы я зажгла свечи?

– Нет, не надо. – Перед Нэшем на столике стоял штоф водки, а рядом – стакан. – Темнота скрывает множество пороков, не так ли?

Агнес снова сделала книксен.

– Сэр, вы позволите мне вынести камин? – спросила она почти шепотом.

– Оставьте это до завтра. – Голос маркиза звучал глухо. – Идите, Агнес. Впрочем, нет, постойте!

– Да, милорд...

– Мистер Суонн заходил сегодня ко мне?

– Я... я не знаю, сэр. Если хотите, я пошлю за ним кого-нибудь.

– Да, пошлите, пожалуйста.

Девушка поспешно вышла из комнаты, оставив Нэша наедине с его мыслями. Поудобнее устроившись в кресле, маркиз взял со стола стакан с «Охотничьей». Он уединился в библиотеке сразу же после того, как вернулся домой из особняка Ротуэлла. И лишь ужин заставил его на время покинуть свое убежище. Возможно, он не вышел бы к столу, если бы не Тони, заявившийся к нему неожиданно. Тони всегда врывался в его дом, как августовская гроза. Нэш не приглашал его. Сводные братья очень отличались друг от друга, у них, пожалуй, не было ничего общего. Тони жил в настоящем, а Нэш в прошлом, вернее – между настоящим и прошлым.

Они и внешне были совершенно разные. Светловолосый голубоглазый красавчик и весельчак Тони являлся полной противоположностью черноволосому мрачноватому Нэшу. Тони окончил Оксфорд и, как и все англичане, имел весьма своеобразный взгляд на мир. Все, что происходило за пределами Туманного Альбиона, не имело для него ни малейшего значения.

Но пока Тони старательно карабкался по карьерной лестнице, стремясь достичь высот в мире политики, Нэш без всяких усилий приобрел вес в обществе. Это казалось несправедливым. Тони как-никак был внуком герцога, а в Англии это значило очень много, хотя от титула его отделяла целая череда родственников.

Нэш сожалел, что Тони не мог получить хотя бы титул маркиза. Его покойный отец когда-то тоже переживал из-за этого – ведь безупречный английский джентльмен вполне достоин титула. Что же касается Нэша, то перед ним в свое время возник выбор: поступить на службу в императорскую гвардию русского царя или осесть в английской деревне, среди полей и холмов, по которым он мог в свое удовольствие бродить с любимым волкодавом.

Нэш выбрал второе и теперь жил в Англии. Ему было четырнадцать, когда его отец женился на Эдвине, дальней овдовевшей родственнице.

Это был брак по расчету – бледная миловидная Эдвина совсем не походила на его первую жену. У Эдвины был маленький ребенок и ни гроша за душой. Покойная же мать Нэша принадлежала к старинному восточному роду, в ее жилах текла кровь русских царей, а также великих ханов, и это сказалось на ее нраве и облике. Она была темноволосой яркой красавицей, но довольно капризной и отчасти даже истеричной. К тому же эта женщина была неудовлетворена своей судьбой и считала, что жизнь ее сложилась неудачно.

Ей очень не нравилось жить в Англии, и она не скрывала своей неприязни к этой стране. Возможно, именно поэтому в обществе теперь косо посматривали на Нэша. Многие считали, что он походил на свою высокомерную мать.

Услышав сдержанное покашливание, Нэш вышел из задумчивости и поднял глаза. Перед ним стоял Суонн. Он был в пальто и держал в руках свою высокую касторовую шляпу.

– Вы хотели видеть меня, сэр?

– Вам сегодня снова приходится работать допоздна, не так ли, Суонн? – В голосе Нэша не слышалось сочувствия. – Налейте себе стаканчик и садитесь.

Его поверенный повиновался.

– Чем могу быть полезен, милорд? – спросил он, опустившись в кресло.

– Что слышно о нашей подруге, живущей в Белгрейвии? – спросил Нэш. – Графиня Монтиньяк вернулась в Англию?

– Еще нет, милорд, – ответил Суонн. – Насколько я знаю, она сейчас в Шербуре.

– А где ее муж?

– Он находится вместе с ней. Де Монтиньяк снова разругался с французским министром иностранных дел, и ходят слухи, что это – ссора двух любовников. После этого его отправили подальше от столицы.

Нэш поудобнее устроился в кресле.

– Превосходные новости, – пробормотал он. – Возможно, они оба надолго застрянут в Шербуре.

Суонн грустно улыбнулся.

– Очень сомневаюсь, милорд. Они слишком любят находиться в центре внимания и пользоваться привилегиями, которые дает дипломатическая служба.

– Не говоря уже о широком наборе возможностей, которые она предоставляет, – с усмешкой пробормотал Нэш и тут же перешел к теме, интересовавшей его куда больше: – Сегодня утром я просил вас привести справки об одной даме, и вы выполнили мою просьбу. Но мне нужно, чтобы вы еще кое-что о ней разузнали. Вы можете сделать это, не привлекая к себе внимания?

– Речь идет о мисс Невилл?

– Да. Днем я нанес визит ее брату.

– Вы были в доме лорда Ротуэлла? – изумился Суонн. – Позвольте задать вам один вопрос, сэр. Какое впечатление произвел на вас этот человек?

– Ротуэлл – грубый, неотесанный мужлан с руками чернорабочего. Но мне понравилась его искренность. В нем нет фальши. Как англичане называют таких людей?.. Ах да, обитателями колоний!

– В этом нет ничего удивительного, сэр. Ротуэлл в пяти- или шестилетнем возрасте был отправлен на острова Вест-Индии.

– Но не кажется ли вам странным, что вместе с ним отправили и сестру? – спросил маркиз. – Она была тогда совсем крохотной. Неужели для малютки не могли создать более приемлемых условий?

– Говорят, что леди Бледсо приходится им тетей. Эту даму никак не назовешь милосердной.

– Да, это ужасная женщина, – согласился Нэш. – Но ее дочь, леди Шарп, славится своей добротой.

– Как бы то ни было, но детей отправили к старшему брату леди Бледсо. А того сослали в Вест-Индию, когда он был еще молодым человеком.

– Сослали?

– Да, он застрелил человека, сэр. Причем не на дуэли, а в пьяном угаре. Его семья тщательно скрывала это, стараясь замять скандал. Но теперь уже о брате леди Бледсо вряд ли кто-нибудь помнит.

– Ротуэлл и его сестра вернулись в Англию четыре месяца назад. Интересно, что их привело сюда?

– Именно это вы хотели узнать, сэр?

– Вообще-то нет. – Нэш поставил стакан на стол. – Как выяснилось, у мисс Невилл есть жених или что-то в этом роде. Мне нужно знать, кто он такой.

– Вы желаете знать, с кем она помолвлена? – уточнил Суонн.

– Да, но это надо выведать осторожно.

– Хорошо, сэр, я наведу справки.

– Я жду вас завтра... скажем, в половине пятого.

– Завтра, сэр? – переспросил Суонн, заерзав в кресле.

– Вас что-то не устраивает?

– У меня заболела мать, сэр...

Нэш чертыхнулся про себя. Как он мог забыть об этом? Вчера пришла весть о том, что мать Суонна серьезно заболела. Поверенный в делах сразу же поделился этой тревожной новостью с Нэшем.

– Простите, Суонн, – сказал маркиз. – Не обижайтесь на меня. Когда вы едете?

Поверенный судорожно сглотнул.

– Завтра в пять утра, милорд. Я уже купил билет на дилижанс, направляющийся в Брайтон.

Нэш встал, и Суонн тоже тут же вскочил на ноги.

– Счастливого пути! – Маркиз протянул поверенному руку. – Желаю вашей матушке поскорее поправиться. А теперь идите домой, вам нужно хоть немного поспать перед отъездом.

– Благодарю вас, милорд.

Суонн взял свою шляпу. стакан с водкой, которую налил ему хозяин, так и остался нетронутым.

Нэш забыл о поверенном сразу же, как только за ним закрылась дверь кабинета. Мысли о мисс Невилл не давали ему покоя. С кем она помолвлена? И почему он, Нэш, постоянно думает о ней? Судя по всему, эта женщина представляла для него опасность.

Мир был полон опасностей и угроз – мнимых и реальных. Нэшу не раз приходилось спасать от них себя и своих близких. У Эдвины, например, было пристрастие к вину и карточным играм. Его пожилые тетушки имели прискорбную склонность верить всем проходимцам, которые прикидывались бедными овечками, но на самом деле посягали на их деньги. У Тони тоже были наклонности, вызывавшие у Нэша тревогу.

Однако опасность, исходившая от мисс Невилл, была совсем другого рода. Общение с ней не могло бросить тень на репутацию его мачехи или повредить карьере его брата. Мисс Невилл могла только одно – лишить Нэша душевного покоя. Но душевный покой можно было восстановить с помощью водки и любовниц.

Подойдя к окну и слегка раздвинув шторы, Нэш взглянул на улицу. Фонари на Парк-лейн тускло мерцали в темноте. Вздохнув, Нэш вернулся к столику, на котором стоял штоф. Угли в камине уже почти погасли. Когда-нибудь и его страсть к мисс Невилл перегорит и превратится в холодный пепел.

В дверь библиотеки тихо постучали, и на пороге появился Вернон.

– Прошу прощения, милорд. – Он поклонился. – Приехала миссис Хейден-Уэрт. Она хочет видеть вас.

«Дженни? Зачем она явилась?» – подумал Нэш с некоторым беспокойством.

– Хорошо, Вернон, проводите ее сюда, – распорядился он.

Через минуту в библиотеку вошла жена Тони. На ней было дорожное темно-синее платье. Ее огненно-рыжие волосы были подобраны под изящную шляпку.

– Добрый вечер, Нэш! – Наклонившись, она поцеловала маркиза в щеку. – Я ищу Тони, но Вернон сообщил мне, что он уже уехал от вас.

– Да, верно. Он поехал в Уайтхолл. – Нэш указал на кресло. – Может быть, составите мне компанию? Я прикажу принести шерри.

– О нет, я заехала на минуточку, – ответила Дженни, присев на краешек стула. – Как поживаете, Нэш?

– Спасибо, у меня все в порядке. А вы? Я думал, что вы сейчас в Гэмпшире.

– Я только что приехала из Брайервуда. Если бы вы только видели Федру, Нэш! Она выглядит сейчас как взрослая девушка.

– Я видел ее недавно, – с улыбкой сказал Нэш. – Да, Федра стала настоящей красавицей. Но, слава богу, она умная девочка.

Дженни тяжело вздохнула:

– Все это хорошо, Нэш, но ей не хватает хитрости, чтобы скрывать свой ум от мужчин. А они, как известно, избегают умных девушек и предпочитают жениться на хорошеньких дурочках.

– Не надо говорить про всех мужчин, Дженни. – Нэш едва заметно нахмурился.

Однако его невестка пропустила это замечание мимо ушей.

– Федре не идут очки, – продолжала она. – Ей не следует носить их. Вы должны поговорить с ней, Нэш. Эдвина робеет перед Федрой.

– Хорошо, я как-нибудь поговорю с ней.

– Я собираюсь свозить Федру в Париж. Мы закажем ей модные наряды. Девочка одевается в какое-то тряпье.

– Что ж, Дженни, счета присылайте мне, я их оплачу.

Взгляд его невестки потеплел.

– Договорились. Благодарю вас, Нэш.

Маркиз какое-то время молчал, в задумчивости барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Да, и еще, Дженни... – сказал он наконец. – Пришлите мне счета за домашний праздник, который Эдвина устраивает в следующем месяце. Это как-никак ее юбилей, и мне хотелось бы сделать ей подарок. Может быть, подарить ей диадему? Или ожерелье с бриллиантами? Я, конечно, попросил бы вас помочь мне выбрать подходящее украшение. Мы с Тони считаем, что у вас безупречный вкус.

– Хорошо, я помогу вам, – кивнула Дженни.

Нэш заметил, что она начала ерзать на стуле.

– Спасибо, – сказал он, поднимаясь из кресла. – Не смею вас больше задерживать. Вы, наверное, устали с дороги.

Дженни поспешно встала со стула.

– Да, действительно устала немного, – призналась она. – Простите, что побеспокоила вас.

– Какое уж там беспокойство!

Нэш пошел проводить гостью.

– Возможно, я столкнусь сегодня с Тони в клубе «Уайтс», – сказал он, когда они шли по коридору. – Если хотите, я передам ему записку от вас.

Дженни улыбнулась.

– Передайте ему на словах, что я вернулась в Лондон и пробуду здесь несколько дней.

– Хорошо. Уверен, что он сразу же кинется домой.

– Ему не следует этого делать, – сказала Дженни, надевая плащ, который в холле подал ей Вернон. – Я еду домой только для того, чтобы переодеться. Я приглашена в Блумсбери на званый вечер и надеюсь, что приятно проведу там время. – Привстав на цыпочки, она поцеловала маркиза в щеку. – До свидания, Нэш.

– До свидания, Дженни.

Нэш проводил ее грустным взглядом. Он догадывался, что Дженни была недовольна своей семейной жизнью. И виноват в этом был Тони. Их брак был большой ошибкой. Но ведь многие браки имеют печальный финал.

Неудачная семейная жизнь брата была для Нэша уроком. Но нужны ли ему уроки? Скорее всего нет.

– Закройте дверь, Вернон, – распорядился Нэш. – И скажите Гиббонсу, чтобы он поднялся ко мне. Я решил ехать в клуб.

Глава 4. На Беркли-сквер закручивается интрига

Сидя в кабинете Кирана, Ксантия перебирала конверты с приглашениями. Она сдержала слово и теперь выезжала вместе с Луизой и Кираном в свет. Но пока они посетили лишь несколько скромных вечеров и побывали в «Олмаке», где им страшно не понравилось. Светский сезон был в самом разгаре. К удивлению лондонского высшего общества, барон Ротуэлл, который до этого вел уединенный образ жизни, и его сестра, старая дева, начали часто появляться на людях. Однако Киран был ужасно недоволен своим нынешним образом жизни.

Сегодня Ксантия подарила Памеле рулон бледно-розовой китайской чесучи. Судно с грузом ткани на борту утром прибыло в порт из Шанхая, и его разгружали днем. Бледно-розовый цвет очень шел Памеле, и она была в восторге от подарка Ксантии. Памела решила сшить себе из этой ткани платье, в котором можно было бы ходить в последние месяцы беременности. Она горячо поблагодарила Ксантию за подарок и за помощь Луизе. В доме Шарпов было тепло и уютно, однако в особняке Ротуэлла царило уныние.

Киран находился в скверном расположении духа и много пил. Ксантия распечатала последний конверт и пробежала глазами листок с приглашением.

– Еще один музыкальный вечер, – вздохнув, сказала она сидевшему у камина брату. – Я знаю, что ты их терпеть не можешь, но нас приглашает миссис Фицхью. С этим уже ничего не поделаешь.

Киран в сердцах чертыхнулся.

– Неужели я снова должен слушать заунывное пиликанье на скрипках, похожее на визг мартовских кошек? – проворчал он. – Господи, лучше бы меня застрелили.

«Не искушай меня», – подумала Ксантия.

– Мне тоже жалко времени на подобного рода визиты, – сказала она. – Я забросила дела, взвалив их на плечи Гарета, и теперь разъезжаю по Лондону, нарядившись в атлас и шелка. А по ночам я не могу спать от тяжелых мыслей о тех нерешенных проблемах, которые ждут меня в Уэппинге.

Киран долго молчал с угрюмым видом. Тишину, установившуюся в комнате, нарушали лишь доносившиеся с улицы крики разносчика газет да грохот кареты, проехавшей мимо дома по булыжной мостовой.

– Может быть, мне лучше уехать в Чешир? – заговорил наконец Киран, немного смягчив тон. – Ты вряд ли сможешь выезжать в свет без сопровождения мужчины, и у тебя появится предлог нарушить обещание, данное Памеле.

Ксантия едва не ухватилась за это предложение, но вовремя одумалась.

– А как же арендатор, который сейчас живет в твоём чеширском поместье? – спросила она. – И что будет с бедняжкой Луизой? Нет, Киран, наш долг помочь Шарпам, ведь они наши родственники.

Киран хмыкнул и залпом осушил стакан с остатками бренди.

– А где были эти проклятые родственники, когда мы потеряли родителей? Утрата родителей не идет ни в какое сравнение с потерей возможности выезжать в свет, – заявил он.

– Ты, конечно, прав. Но Памела ни в чем не виновата. В то время она, как и мы, была еще ребенком.

– Хорошо, Памела была еще маленькой. А тетя Оливия? Пусть эта ведьма завтра же прилетает сюда на метле и вывозит Луизу в свет. Но тетя Оливия, конечно же, не станет утруждать себя. Она не любит, когда ее беспокоят просьбами.

– Ты рассуждаешь правильно, – признала Ксантия. – Оливия – бабушка Луизы, и она вполне могла бы взять на себя заботу о внучке. Но мы с тобой знаем, что она не станет этого делать. И не только потому, что уже стара. Мы должны выполнять свой долг перед родственниками, даже если они в свое время не оказали нам помощи. Кроме того, нас ведь не оставили на улице умирать от голода. Дядя кормил нас и предоставил нам кров.

– Что ты такое говоришь, Ксантия?! – возмутился Киран. – Я не ослышался?..

Они помолчали, не желая развивать эту тему. Годы, проведенные на Барбадосе, остались в прошлом, и брат с сестрой не хотели ворошить его. Ксантия снова начала перебирать приглашения.

– В следующий вторник состоится бал, – сообщила она. – Я уверена, что тебе не придется скучать. Там непременно найдется комната для игры в карты. А Луиза сможет от души потанцевать. Я пошлю миссис Фицхью письмо с извинениями.

Барон Ротуэлл встал и, подойдя к буфету, налил себе бренди. В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Трэмел, дворецкий.

– Прошу прощения, милорд. К вам приехали два джентльмена, – доложил он.

– В столь поздний час? – удивился Киран.

– Да, сэр. Они из министерства внутренних дел.

Трэммел протянул хозяину овальный поднос, на котором лежали две визитные карточки и письмо, запечатанное красным воском.

– Они хотят меня видеть? – проворчал Киран.

– Все это странно, – заметила Ксантия, отложив в сторону конверты с приглашениями. – А что это за письмо, Трэммел? От кого оно?

– От лорда Шарпа, миледи. Я полагаю, это рекомендательное письмо, – ответил слуга. – Джентльменов зовут лорд Венденхейм де... простите, боюсь, что не сумею произнести его полное имя... И мистер Кембл, похоже, что он французский полицейский.

– Веселая парочка, – пробормотал Киран.

– Я провел их на второй этаж, в гостиную, – сказал Трэммел.

Приподняв бровь, Киран вскрыл письмо.

– Шарп просит меня уделить этим господам время и пишет, что у них срочное дело государственной важности. Черт побери, Ксантия, что все это может означать?!

– Я понятия не имею, что этим людям нужно от тебя. – Ксантия встала, собираясь удалиться.

Киран покачал головой:

– Я тоже ничего не понимаю. Шарп мог бы более внятно объяснить мне ситуацию. Но он пишет только, что дело касается морских перевозок... или транспортировки какого-то груза в Грецию. Сам черт не разберет! Я же совершенно не разбираюсь в этих вопросах. – Киран замахал руками, заметив, что сестра собралась уходить: – Нет-нет, останься, Ксантия!

Она снова села за стол.

– Проводи их сюда, Трэммел, – распорядился Киран. – Я не желаю далеко отходить от буфета с бренди. Бьюсь об заклад, это будет невыносимо скучный визит.

Однако лорд Ротуэлл вскоре понял, что ошибался.

Через минуту в комнату решительной походкой вошли два джентльмена. Один из них, высокий мрачного вида господин, представился как виконт Венденхейм-Селеста. Его иностранное имя соответствовало экзотической внешности.

– Должен сообщить вам, что я служу в министерстве внутренних дел, – сказал он, присаживаясь на стул. – А это мистер Кембл, мой помощник.

Киран повернулся к спутнику Венденхейма, весьма щеголеватому молодому человеку.

– Вы из министерства внутренних дел? – спросил барон, вертевший в руках визитную карточку гостя, изготовленную из толстого картона с атласной поверхностью цвета слоновой кости.

– Я работаю на тех, кто мне хорошо платит, – заявил мистер Кембл, с необыкновенным изяществом усаживаясь в кресло, стоявшее рядом со столом. – В настоящее время моим клиентом является мистер Пил, глава министерства.

Виконт Венденхейм беспокойно заерзал на стуле.

– Видите ли, мистер Кембл... э... своего рода эксперт в той области, которая с недавних пор вызывает большой интерес у министра внутренних дел и премьер-министра, – объяснил он.

– И что же это за область? – осведомился барон.

– Транспортировка и нелегальный ввоз незаконно присвоенного имущества, а также контрабандных товаров, – ответил Венденхейм, помрачнев.

– О боже! – воскликнула Ксантия.

Киран же нахмурился.

– Послушайте, Венденхейм, мы занимаемся честной коммерцией! – заявил он, отодвинув в сторону стакан с бренди. – У моей сестры безупречная репутация, и я не позволю...

Мистер Кембл поднял руку, пытаясь остановить его.

– Лорд Ротуэлл, умоляю вас, осторожнее! – воскликнул он с наигранным ужасом. – Вы сейчас прольете прекрасный бренди на дорогой стол красного дерева! Подумайте, что вы делаете!

– Прошу прощения, – заговорила Ксантия, – но я уверена, что вы пришли сюда не для того, чтобы говорить о мебели.

Венденхейм бросил на мистера Кембла негодующий взгляд. Эти люди явно не ладили между собой.

– Мисс Невилл, лорд Шарп сказал нам, что ваша компания может помочь министерству внутренних дел разобраться в этой проблеме. Вы, конечно же, знаете, что Шарп возглавляет в министерстве Пила специальный комитет по...

– Простите, господа, – перебила его Ксантия, – но мы с братом плохо разбираемся в английской политике. Нам известно только то, что Шарп заседает в палате лордов. Видите ли, мы приехали сюда совсем недавно.

– Именно поэтому вы как нельзя лучше нам подходите, – сказал Венденхейм, сцепив длинные изящные пальцы, на одном из них поблескивало кольцо с печаткой. – Убедительно прошу вас обоих держать в строгой тайне наш разговор, к какому бы решению вы ни пришли в конце беседы.

– Не думаю, что мы станем принимать какие-то решения, – проворчал Киран. – Тем не менее мы с сестрой – патриоты, будьте в этом уверены!

– Я в этом нисколько не сомневался.

– В таком случае продолжайте, – сказал Киран. – Мы выслушаем вас, – но это все, что я могу обещать.

Гости переглянулись.

– Вы не могли бы закрыть окно? – спросил виконт.

Киран молча выполнил его просьбу.

– Вы, конечно же, знаете о напряженных отношениях, сложившихся между Грецией и Турцией? – заговорил Венденхейм, когда Киран снова занял свое место.

– Конечно, знаем. Барбадос не на луне находится, – проворчал барон. – Я слышал, что несколько лет назад греки восстали против власти турок, однако это ни к чему не привело. Но суда нашей компании не ходят к берегам Греции и Турции, правда, Ксантия?

– Да, у нас нет рейсов на Константинополь и Афины, – сказала Ксантия. – Мы ждем, когда в тех краях изменится политический климат. Но какое отношение имеет наша компания к этим событиям?

– Скоро вы все поймете, – ответил Венденхейм. – Греческие революционеры снова собираются с силами. Они готовятся захватить Афины и Фивы. Мы полагаем, что за ними стоит Россия. Она вернулась к своим прежним уловкам и оказывает повстанцам тайную помощь.

– Значит, вы думаете, что скоро снова вспыхнет восстание? – спросила Ксантия.

– Веллингтон опасается этого. И небезосновательно. Недавно нам стало известно о планах контрабандного ввоза в Грецию груза винтовок американского производства. Тысяча карабинов. Это в настоящее время самое опасное оружие.

– А какое нам до всего этого дело? – спросил Киран.

– Сейчас поймете, – сказал Венденхейм. – Мы выступаем за равновесие сил на Балканах, но там в данный момент сложилась очень напряженная обстановка. Кроме того, в наши ряды затесался предатель, чьи действия направлены на то, чтобы поднять греков на борьбу с турками и убедить русских открыто выступить на стороне восставших.

– Мне казалось, что Англия с симпатией относится к грекам... – в задумчивости пробормотала Ксантия.

Венденхейм нахмурился:

– Есть распространенные в народе настроения, мисс Невилл, а есть экономические интересы и политическая реальность. Англия не может позволить России расширить свое влияние. И потом, цель России – не помощь Греции, а установление контроля над турецкими проливами, и в этом – угроза нашим торговым путям в Средиземноморье.

– Но ведь русские – наши союзники, – возразил барон.

Венденхейм пожал плечами:

– Сегодня союзники, завтра – нет. Дело в том, что падение Константинополя откроет русским путь на Восток. В конечном счете угроза может нависнуть даже над Индией. Учитывая характер вашей коммерции, лорд Ротуэлл, мы думаем, что вы, конечно, хорошо понимаете всю степень такой опасности для развития нашей торговли.

Возможно, Киран и не понимал этого, но Ксантия прекрасно осознавала опасность ситуации, которая могла привести к войне. Это грозило серьезными убытками.

– В конечном счете вся Европа может быть снова втянута в конфликт, – заметил мистер Кембл. – Экономика стран, на территории которых совсем недавно закончилась война, не вынесет новых испытаний.

– Именно поэтому, – продолжал Венденхейм, – Англия заинтересована в поддержке турок, хотя англичане и сочувствуют грекам.

– Такая абсурдная ситуация возникла по вине лорда Байрона, – с жеманной улыбкой проговорил мистер Кембл. – Британцы были очарованы его безобразной прической, а также мрачной красотой преждевременной смерти! Все это стало основой его славы.

– Да, он причинил Англии много вреда, – признал Венденхейм. – Но давайте не будем говорить плохо о мертвых.

– И все же я не понимаю... – пробормотал Киран. – Не понимаю, почему министерство внутренних дел так обеспокоено войной, которая может разгореться на территории другого государства?

– Превосходный вопрос, – кивнул Венденхейм. – Дело в том, что министерство вынуждено уже сейчас решать конкретные вопросы, связанные с возникающей ситуацией, и предотвращать преступления. Одним из них является незаконный ввоз оружия, о котором я уже упоминал. Мы раскрыли заговор, участники которого намеревались увеличить объемы контрабанды карабинов. Полученные от незаконной продажи оружия деньги оседали в Лондоне, и в этом контрабандистам помогли французы. Но мы уверены, что бо?льшая часть грузов идет непосредственно из Бостона к берегам Греции, возможно – прямо в афинский порт.

– Интересная версия, – заметила Ксантия. – Существует множество портов, где могли бы разгружаться контрабандные товары. Каков был тоннаж судна, которое вы перехватили, милорд? Меня интересуют его размеры. Зная габариты судна, я более точно определяю, в какие порты оно могло заходить.

Венденхейм с изумлением уставился на Ксантию:

– Мэм, вы застали меня врасплох. Я не помню технических характеристик захваченного судна.

– Но это очень важно, – стояла на своем Ксантия.

Венденхейм в смущении откашлялся.

– Вы, несомненно, правы. Я непременно узнаю их для вас, мисс Невилл. Как бы то ни было, Пил уверен, что преступником является подданный Британии. Этот человек занимается незаконной торговлей оружием ради наживы. Но это не оправдывает его. Ему все равно будет предъявлено обвинение в государственной измене.

– И какое наказание ему грозит? – спросила Ксантия.

– Он будет повешен.

– О господи! – вырвалось у Кирана. – Да, плохи его дела.

Венденхейм взглянул на барона.

– Именно поэтому я надеюсь, что мы с вами договоримся, лорд Ротуэлл, – промолвил он. – Контрабанда – опасный род деятельности. Поговорив с Шарпом, я навел о вас справки, и мы решили, что вы не откажете нам в помощи.

– Но что заставило вас обратиться к нам? – спросила Ксантия. – Что случилось?

Венденхейм и Кембл снова переглянулись.

– Два дня назад в одной провинциальной гостинице, к югу от Бейсингстока, был найден мужчина с перерезанным горлом.

– Порез был от уха до уха, – снова вмешался в разговор мистер Кембл, сопроводив свои слова выразительным жестом.

– О боже! – содрогнувшись, воскликнула Ксантия.

– Убийца что-то искал, – продолжал Кембл. – Но, судя по всему, он ничего не нашел. Сотрудники министерства внутренних дел обнаружили за подкладкой портмоне убитого документы. То, что мы вам сегодня рассказали, наши люди узнали в основном из них.

– Но бо?льшая часть сведений была зашифрована, – добавил Венденхейм. – Шифровальщики работают сейчас над этими документами. Убитый был

курьером, он погиб вблизи поместья одного весьма известного дворянина. Это довольно влиятельный человек, и он поддерживает связи с Восточной Европой и Россией. Он уже не в первый раз попадает в поле зрения властей, но Пил пока не решается возбудить против него судебное расследование.

– Но почему? – удивился Киран.

– У этого человека есть родственник, пользующийся влиянием в палате общин, – объяснил Венденхейм.

Киран насупился.

– На Барбадосе мы бы такого мерзавца вздернули на виселице, – заявил он.

Ксантия с упреком посмотрела на брата.

– Этот человек, наверное, богат, – сказала она.

– Да, богат, – подтвердил Венденхейм. – Он носит титул маркиза. Этот человек приумножил состояние своей семьи благодаря удаче, которая сопутствовала ему в карточной игре. У него стальные нервы. Но несмотря на свое богатство, он вполне мог бы заняться контрабандой и незаконной торговлей оружием.

– Я думаю, что вы можете назвать его имя, – сказал Кембл. – Нам нет смысла скрывать его.

– Имя этого человека Стефан Нортгемптон, – сказал Венденхейм после некоторого колебания. – Но все называют его Нэш. Маркиз Нэш.

– Так значит, это лорд Тьмы и Опасности? – пробормотал Киран, покосившись на сестру.

– Простите, не понял... – сказал Венденхейм.

– Это шутка, – ответила Ксантия. – Мы немного знакомы с этим человеком. Он был на балу в доме Шарпов.

– Да, Шарп намеренно пригласил его. Он следит за Нэшем.

– Нэш произвел на меня некоторое впечатление, – признался Киран. – Правда, он показался мне излишне самонадеянным. Что вам известно о нем?

– У него довольно необычная биография, – ответил виконт. – Нэш родился в Монтенегро, и он происходит из старинного и знатного рода. В жилах его матери текла русская кровь.

– «Монтенегро» переводится как «Черногория», – в задумчивости проговорила Ксантия. – Это место расположено между Адриатикой и Южными Карпатами.

– Вы хорошо знаете эти края, мисс Невилл? – поинтересовался Кембл.

– Нет-нет. – Ксантия покачала головой. – Я знаю лишь, что самым крупным заливом на Адриатике является залив Котор. Это своего рода фьорд. Он очень глубокий и скрыт от посторонних глаз.

– Мы тоже обратили внимание на этот залив, – сказал Кембл.

– В тех краях когда-то находилось древнее княжество Зета, – продолжал Венденхейм. – Владения предков Нэша находились в Даниловграде, а его дедушка по материнской линии являлся известным полководцем, соратником Петра I. Благодаря ему русским удалось сокрушить турок в сражении при Мартинике. Представители дворянского рода, из которого происходит Нэш, до сих пор сохранили тесные связи с Россией и ненависть к туркам.

– А вы уверены, что лорд Нэш до сих пор поддерживает отношения со своими дальними родственниками? – спросила Ксантия.

Венденхейм пожал плечами.

– Прежде мы полагали, что нет, – ответил он. – Но сейчас, когда Восточная Европа находится на грани войны, нельзя исключать ничего.

– В настоящее время Веллингтон всеми силами пытается сохранить мир в регионе, – добавил Кембл. – Поэтому, как вы понимаете, мы не можем допустить,

чтобы там действовал контрабандист, незаконно ввозящий оружие.

– Ситуация довольно запутанная, – заметила Ксантия. – Кстати, мы с братом сразу же обратили внимание на легкий акцент лорда Нэша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/karlayl_liz/nikogda-ne-lgi-ledi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)